

М. Я. Сюзюмов

ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

І. Дофеодальный период в Византии

Понятие «дофеодальный период» появилось после выступления Сталина, Кирова и Жданова по поводу нового учебника для средней школы: «Нельзя сваливать в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне еще не были закрепощены». Казалось абсолютно ясным, что нельзя считать феодализмом такой строй, в котором нет ни основной формы эксплуатации в феодальном мире — ренты, ни одного развившегося общественного института феодального строя, ни класса феодалов. Наличие такого периода Сталин объясняет тем, что господствующий класс на протяжении 2—3 столетий не мог прийти к выбору, какая форма эксплуатации наиболее выгодна — рабовладение или зависимость крестьянина, имеющего свое хозяйство. Наличие такого переходного строя видели в замечании Энгельса о том, что существовал период, когда «между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 21, стр. 154). По Энгельсу, господствующий класс феодалов создавался не в процессе гибели Римской империи, а именно в этот четырехсотлетний период ¹.

Такой период совершенно четко выявляется при сопоставлении общества времени «Земледельческого закона», где между энапографом и париком стоял свободный георгос, с обществом времени «Салической правды», когда между колоном и крепостным вилланом стоял свободный общинник-крестьянин. И в том и в другом случае свободная крестьянская община существовала в обстановке классового общества и в период господства идеологии частной собственности. И в том и в другом обществе налицо тенденции к феодальным процессам, уже заметные со времен поздней Римской империи, но когда еще были живы традиции рабовладельческого общества и когда в то же время в результате варварского проникновения в общество включились архистаринные пережитки родоплеменного общества, такая теория вполне соответствовала той периодизации истории человеческого общества, которую выдвинул К. Маркс в 1859 г.

Теория переходного «дофеодалного» или, вернее, «предфеодалного» периода давала понимание преемственности исторического процесса, а также положения о том, что феодальная формация, создавшаяся на базе античности, являлась более прогрессивной формой общества в целом, чем рабовладельческая.

Но подобной теории дофеодалного общества, выраженной при защите моей кандидатской диссертации (1943) и опубликованной в кратком изложении в 1948 г.², непримиримо противостояла как на Западе, так и в советской литературе доктрина о возникновении феодализма на Западе непосредственно в недрах общинных институтов родоплеменного общества³, из которой вытекает, что возможен прямой самобытный переход от первобытного общества к феодализму⁴. Поэтому «дофеодалным обществом» стали называть последний этап родоплеменного общества. А. И. Неусыхин понимал под «дофеодалным обществом» тот период саксонского родоплеменного строя, который существовал до франкского завоевания⁵.

Теория генезиса феодализма в обществе родоплеменной стадии значительно развилась в 1956 г., когда А. И. Неусыхин в работе «Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв.»⁶ нарисовал картину перехода древних родоплеменных институтов в феодальные. Труд А. И. Неусыхина приобрел признание в зарубежной и стал основополагающим в советской литературе.

Общественный строй периода «Варварских правд» А. И. Неусыхин считал раннефеодалным периодом. По отдельным же статьям «Правд», которые отражают обычаи последнего этапа родоплеменного доклассового строя, А. И. Неусыхин дал картину «дофеодалного» общества. Естественно недоумение Н. И. Соколова на конференции⁷, — зачем употреблять термин «дофеодалное общество», если подразумевается последний период родоплеменного строя? Этим определением подчеркивалось, что родоплеменное общество в заключительный этап своего существования уже представляло собой переходный период к феодализму и что прямой путь к феодализму помимо рабовладельческого строя⁸ был у германских племен предопределен с самого начала их исторического существования. И теория «синтеза» является только отражением случайностей, с которыми встретилась на своем пути самобытно развивающаяся феодализм родоплеменная община германцев. Но эта теория мало считается с наличием в родоплеменном обществе тенденции к зарождению рабовладельческого строя. Прimitивный характер рабства в родовой общине вполне соответствовал примитивному хозяйству того времени и был вполне законченным общественным институтом. Раб считался вещью, полностью подвластной господину, который мог заставить работать по своему желанию и убить по капризу⁹.

Мне кажется, что основным вопросом в анализе переходного общества следовало бы поставить не самобытное вырастание фео-

дализма из недр первобытного общества, а как закономерные тенденции к развитию рабства в «дофеодальный период» сменились иными тенденциями... В этом суть проблемы ¹⁰.

В период деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса «Земледельческий закон» оставался вне внимания исторической науки.

Но в наше время византийскому обществу этого периода уделено усиленное внимание и именно то обстоятельство, что и в Византии между колоном и средневековым париком стоял свободный георгос «Земледельческого закона», заставляет говорить о закономерности отмеченного Ф. Энгельсом явления не только для Франции, но и для других стран. Между двумя совершенно подобными формами зависимости непосредственного производителя в сельском хозяйстве как на Западе, так и на Востоке, стал свободный крестьянин-общинник.

Чтобы выявить сущность такого явления, мы начнем с классического примера Византии, где социальная динамика не подвергалась ударам в такой разрушительной форме, как на Западе, и где государственный строй и центральный аппарат власти продолжали существовать непрерывно.

Мы считаем, что причину преобладания в определенный период свободного крестьянства следует искать не во влиянии родоплеменных обществ, а во внутренних закономерностях разложения рабовладельческого общества с учетом внешних воздействий.

Элементы феодализации, закрепощения крестьянства интенсивно развивались в позднеримской империи. Достаточно перечислить ряд конституций и новелл римских императоров ¹¹. Но почему же они не восторжествовали, а наперекор тенденции к закрепощению развилась свободная крестьянская община?

Ответ в историографии недостаточно оформлен и убедителен. Цахариз фон Лингенталь и «русская школа» византиноведения считали это влиянием славянской колонизации, которая якобы в Византию принесла общинный строй. Даже предполагалось, что императоры-иконоборцы в своей реформационной деятельности издали особый эдикт об освобождении от зависимости...

В «Истории Византии» переход к преобладанию свободного крестьянства в значительной степени объясняется в основном результатом нашествия и колонизации славян, отчасти внутриклассовой борьбой и, кроме того, военными реформами ¹².

Происхождение «дофеодального периода» после разложения рабовладельческого способа производства нам кажется совершенно закономерным. Сущность рабовладельческого способа производства состоит в том, что непосредственный производитель-раб не имел ни права, ни реальной возможности борьбы за свои потребности. Поэтому рабовладельческое производство развивалось, не считаясь с потребностями производителя, и зависело только от потребностей рабовладельца и цивилизации рабовладельческого общества. В рабовладельческих странах всегда замечался разрыв между уровнем цивилизации и возможностями, которые имелись

у непосредственных производителей. Рабы работали сверх возможностей, рабовладельцы развивали цивилизацию «не по карману», не по возможностям общества. Но на определенной стадии великой античной цивилизации количественного роста производства количество переходит в новое качество: **дешевый труд раба стал дорогим**. Предметы цивилизации, требующие высшей квалификации работника, постепенно переставали быть объектами приложения труда работ (требовалось обучение и, что особенно важно, соответствующий потребностям высшей квалификации уровень запросов). Постройка роскошных храмов, водопроводов, больших кораблей, горное дело все более становились делом свободных, работающих по соглашению. К тому же практика пекулия показала выгоду самостоятельного хозяйчика, дающего взносы господину. Для поддержания роскоши и соответствующего уровня цивилизации стала необходимой эксплуатация свободных лиц. Но традиция рабовладельческого общества по-прежнему не считалась с потребностями трудящихся в размахе культурного строительства. Требовалось все больше и больше внепроизводственных профессий, в связи с чем колоссально расширился (для укрепления власти над непосредственным производителем) государственный аппарат принуждения и многочисленное духовенство. Налоги назначаются не исходя из возможностей, но по потребностям рабовладельческого государства. Разрыв между цивилизацией и производственными силами общества стал еще более ощутимым¹³. Закономерно, что население стало сопротивляться разрастающемуся давлению потребностей цивилизации и власти. Главный метод сопротивления — бегство с обложенного налогом и поборами хозяйства. Не только правительство, но и землевладельцы, сдающие колонам в аренду участки земли, почувствовали это сопротивление — начался процесс запустения и обезлюдения земель¹⁴. Правительство Константина стремилось остановить запустение земель, давая возможности колону-арендатору действовать легально — подавать в суд на господина, требующего от колона слишком высокую плату. Суд должен был заставить господ не допускать нарушения обычных норм и вернуть колону излишне затребованное¹⁵. Затем начинается политика прикрепления свободного земледельца к ведению обложенного налогами хозяйства. Начиная с IV в., появляется ряд конституций с угрозами применения самых суровых мер к оставившим свои хозяйства.

Проблема стабилизации хозяйства была в то же время проблемой сохранения рабовладельческого строя и спасения античной цивилизации. Прикрепление к хозяйству не лишало прикрепленного статуса свободного. Прикреплялись духовные лица к служению церкви, монахи к монастырям, куриалы к курии. В связи с борьбой против запустения и за гарантию денежных и натуральных поступлений в казну создавалась жестокая кадастровая система и тенденции к закреплению производителей. В результате прикрепления к казенным и частным хозяйствам появились адскрипции,

прикрепленные городские низы. При этом в праве подчеркивалось прикрепление именно к земле, к хозяйству, хотя в действительности для колонов это означало прикрепление и к личности землевладельца. Однако, хотя хозяин земли и делался «господином» приписанного, но он не являлся распорядителем в его мелком хозяйстве.

Начался исключительно важный процесс, выражавшийся в тенденции к созданию мелких хозяйств. Непосредственному производителю давалась возможность самостоятельно распоряжаться средствами производства, будь ли это пекулий раба, участок колона приписанного, либо колона свободного арендатора, либо свободного крестьянина в митрокомии, либо мелкое ремесло и промысел, зафиксированный как имперская повинность.

Юридический статус свободного отходит на второй план перед относительной, но реальной хозяйственной самостоятельностью мелкого хозяина¹⁶. Хотя человек, потерявший статус свободного, и не мог вести процесс против господина и патрона¹⁷, но тем не менее такой адскрипций, приписанный к цензу, имел право обращаться в суд по делам экстраординарным и криминальным, что, конечно, его отличало от раба¹⁸. Можно считать, что правительство Римской империи времен домината сознательно стало на путь содействия рассредоточению мелких хозяйственных единиц, распоряжающихся средствами производства¹⁹, что в связи с политикой прикрепления не только не препятствовало, но имело целью способствовать росту крупного землевладения.

Интенсификация хозяйственных забот и труда мелких распорядителей средствами производства создавала основу для рентных отношений. Именно нерентабельность рабовладельческих отношений привела к рождению новой тенденции, которую можно считать элементом феодального способа производства, но которая только адаптировалась господствующим классом и властью для сохранения существовавшего рабовладельческого государства и права, а не для создания нового общества. Весь позднеримский период прошел под знаком нерентабельности рабского труда, когда общество бессознательно стремилось к ликвидации отживающих рабовладельческих отношений, но без потрясений, с сохранением господствующего класса и его собственности, путем медленных сдвигов. Это выдвигало в законодательстве особые тенденции, называемые *favor libertatis*²⁰. При выяснениях, является ли данное лицо рабом или свободным, любая неясность должна решаться в пользу свободы. В вопросах о статусе рождавшихся в смешанных браках в позднеримском законодательстве всегда давалось предпочтение более свободному статусу, тогда как позднее, в варварских обществах — потомство смешанных браков наследовало статусу «худшей» стороны²¹. Но кроме того в тенденцию к *libertatis* можно включить и стремление закрепить за крестьянином его участок — по закону Анастасия все нисходящее поколение колона должно работать на его участке, если его арендный срок превысил 30 лет — и в то же время законы Юстиниана устанавливали неизменность платежей

и повинностей землевладельцу. «Пусть остерегаются господа этих владений, в которых размещались подобного рода колонны, вносить какое бы то ни было нововведение или насилие в отношении к ним. И если это будет удостоверено и объявлено через судью, то сам правитель провинции, где подобное произойдет, всемерно должен предусматривать и ту обиду, которая была допущена, исправлять и сохранять им старинный обычай во вносимых платежах, но в то же время не предоставлять колонам никакого разрешения оставлять то владение, в котором они обосновались»².

В данном случае прикрепление к земле обусловлено было статусом свободного гражданина. Можно сказать, что *favor libertatis* сменился в *favor* мелкого производителя, свободно распоряжающегося своим мелким хозяйством при условии внесения определенных платежей. Интересно отметить, что даже при преследовании самаритян, которые лишались свободы завещания, дается исключение для самаритян-крестьян — они могли завещать наследникам хозяйство даже если останутся в своей вере. Мало того, даже в случае интестато (смерти без завещания) земля переходила родственникам, хотя бы они были самаритянами²³. Чувствовалась важность сохранения мелкого хозяйства.

Неприкосновенность владения и свобода завещания сами по себе не могли внести особого улучшения в состояние крестьянского хозяйства в условиях непосильного обложения, отсутствия правильного контроля за сборщиками налогов. Деревне нужно было дать некоторое самоуправление в крестьянских делах. Юридическое закрепощение не могло обеспечить сплоченность деревни. Обнищавшая деревня с крестьянином, мало заинтересованным в укреплении своего хозяйства, не давала крупному вельможе достаточных, соответствующих его положению, доходов. Единственным выходом для вельможи было количественно расширить свои владения. Поэтому из новелл Юстиниана делается понятным, почему знать в провинции пыталась путем насилия увеличить свои владения за счет крестьянства.

Юстиниан, как выходец из крестьянской среды, прекрасно это понимал. В его новеллах отражены все действительные причины бедствий — насилие со стороны знати, произвол и коррупция чиновничества; военные смотрели на провинцию почти как на завоеванную страну²⁴. Но Юстиниан не мог отказаться от налогов, которые в основном шли не на личную роскошь (сам он жил скромно²⁵). Но отказаться от построек пышных храмов он не мог, так как этим давал работу константинопольскому и других провинциальных городов плебсу²⁶. На одной постройке храма св. Софии (после восстания «Ника») было занято несколько десятков тысяч людей из плебса.

Колоссальные подарки варварам, за что так укоряют Юстиниана историки того времени, тоже отвечали его цели сохранить крестьянское хозяйство — ведь любое вторжение варваров — в первую очередь бедствие для деревни, и Юстиниан, осознавая это, стремил-

ся всеми мерами предупреждать варварские нашествия. Повинности, взносы в государственную казну Юстиниан считал «священнойшей» обязанностью каждого гражданина.

Но общие задачи управления и поддержания соответствующего уровня высоты культуры позднеримского периода требовали огромных затрат, непосильным бременем ложившихся на плечи населения, так что в конце правления Юстиниана деревня была совершенно истощена. Экономической основой аграрной политики Юстиниана было укрепление крестьянского хозяйства и проведение мероприятий по прикреплению крестьян к земле. Одна сторона этой политики имела целью борьбу против мобильности крестьянства, другая же — стремление к стабилизации повинностей крестьян-арендаторов и адскриптициев. Самые резкие конституции Юстиниана направлены против тех землевладельцев-локаторов, которые увеличивают повинности прикрепленных к ним крестьян. В политике Юстиниана можно отметить также тенденцию к уменьшению количества лиц непроизводственных профессий. По ламентациям Лида Юстиниан сократил число лиц в государственном аппарате, в значительной степени упростил ведение дел...²⁷ Закрывая философско-риторические школы в городах, он, сохранив элементы психики деревенского жителя, по-видимому, считал ненужным наличие такой армии философов. Нельзя снимать со счета жалобы Прокопия на угнетение знати, на конфискацию колоссального количества имуществ крупных землевладельцев, зависимое население которых после этого становилось государственным плательщиком налогов, фактически «свободным» в понимании постклассического римского права.

Юстиниан ограничил штат «великой церкви». Большое количество монастырей и льгот духовенству как будто противоречит положению о том, что Юстиниан стремился к уменьшению лиц непроизводственных профессий. Но нужно иметь в виду господствовавшее в то время представление, что имущество церкви — это имущество бедных, что вопросы социального обеспечения сирот, странников и больных, престарелых — задача церкви²⁸. Поэтому все дарения Юстиниана в пользу церкви казались ему актом милосердия в интересах бедноты и нуждающихся.

Таким образом, в обществе приходящего в упадок античного мира были две тенденции: одна — ведущая к укреплению мелкого хозяйства²⁹, другая — к развитию крупного землевладения. Для процессов феодализации обе тенденции представляли собой закономерное внутреннее единство.

Но до феодализма было еще слишком далеко. Господствующий класс еще был преисполнен рабовладельческих традиций — не измерять свои потребности с возможностями и силами непосредственных производителей. «Доходы и царская казна были истощены не на полезные дела, а на непристойные зрелища, на безрассудную пышность, на забавы и на другие издержки, от которых благоразумный человек и среди счастливейшего состояния государства

должен удерживаться». Так писал Приск (фрагм. 5) о расходах византийского государства в V веке. Разрыв между размахом цивилизации и состоянием производства был колоссален. Это осознавалось современниками.

Резкая противоположность между развитием города и деревни была тоже очевидной для людей позднеримского времени. Законы Зенона, трактат Аскалонита рисуют яркую картину стремительного роста городского строительства (Константинополь, Антиохия, Александрия и другие центры, в особенности в Сирии, в местах, удобных для развития торговли) в IV—VI вв.³⁰. Города бурно развивались, население прибывало³¹, росли дома, быстро увеличивалось число архитекторов, декораторов и рабочих разных квалификаций³².

Противоположную картину представляла собой деревня. Как раз о Сирии, где был такой подъем городов, Либаний пишет: «Всюду бедность, нищенство и слезы, а землевладельцам представляется удобнее просить милостыню, чем обрабатывать землю»³³.

Перманентная опасность всепоглощающих нашествий племен, расходы на освобождение территорий римской империи от господства варваров усугубляли тяжелое положение крестьян. Отсутствие общественного контроля мешало преодолению коррупции бюрократии и своевластия господ. Таким образом, к концу царствования Юстиниана положение деревни оставалось отчаянным. Правительство совершенно ясно осознавало размеры бедствий, но фактически не имело представления о путях поднятия хозяйства в деревне. Характерной является новелла 163 Тиверия (572 г.): «Мы знаем, что постоянные и различные ущербы, причиненные людям, привели владения в такую нищету, что не могли ни доставлять владельцам доходов, ни вносить полностью положенные налоги». Тиверий на основании жалоб землевладельцев мог видеть невозможность ведения хозяйства для крестьян и для самих господ.

Процессы феодализации, явственно отмечавшиеся в жизни и законодательстве, зашли в тупик, поскольку основа феодальной эксплуатации — феодальная рента не могла извлекаться в достаточном количестве. Поэтому до торжества феодального способа производства было еще далеко.

Какие же меры вводило правительство Тиверия, опиравшееся на землевладельческую знать? Были представлены различные паллиативы, сняты недоимки, разрешен платеж налогов в рассрочку, очень много говорилось о недопущении незаконных поборов (но никакого контрольного органа с привлечением общественности не было). Эти мелкие поблажки вводились как в отношении к крестьянам, так и к господам имений, как подчеркивалось в новелле, но налоговый гнет по-прежнему оставался основной причиной нищеты. Правительство высказывает двойную озабоченность, откуда черпать налоги для государственных потребностей... и в то же время изжить нищету! Из многих забот проблему «милосердия» к «поданным», т. е. проблему борьбы с нищетой Тиверий считает перво-

степенно важной. Режим экономии, установленный Маврикием, тоже был проявлением осознания несоответствия существующей цивилизации возможностям населения. Прекратилось пышное строительство, но... население осталось без заработков, и на фоне общего недовольства произошел взрыв.

У нас мало осталось документов о правлении Фоки, которое продолжалось восемь лет. В советской историографии этому восьмилетнему господству восставших низов не придается должное значение главным образом потому, что не сохранилось никаких законодательных актов Фоки. Отсюда делается заключение о том, что вообще никаких изменений, никаких реформ в интересах низов и не было проведено! Указывается на то, что Фока не уничтожил влияние той части знати, которая, наподобие Приска, признала переворот и стала служить новому императору.

Разразившаяся гражданская война распространилась по всей территории империи. «Всем известно, какую тучу пыли поднял дьявол после Маврикия против города, убив любовь и поселив вражду во всем Востоке, Киликии, Азии и Палестине и по всем соседним местам даже до самого царственного города до такой степени, что народные массы не только насыщались тем, что упивались на площадях кровью своих соплеменников, но и нападали на дома друг друга, безжалостно убивали тех, кого находили живыми, сбрасывали на землю с верхних этажей женщин, детей, стариков и юношей, слабых, которые не могли бежать от преследователей, затем грабили, как варвары, своих соседей, знакомых, можно полагать, родственников и, наконец, сжигали и самые жилища»³⁴.

Расправа Боноза со знатью, выступившей против Фоки, привела к уничтожению целых семейств... Массы крупных землевладельцев со всем потомством погибла. Лишившись патронов, зависимые стали свободными. Хотя правление Фоки не ввело новых реформ, но стихийно произошло перемещение прав собственности.

Персидская интервенция подорвала возможности как внутренних реформ, так и подавления сопротивления со стороны знати. Все силы сторонников Фоки брошены против интервентов, но войска, сражаясь в обстановке гражданской войны, стали терпеть поражения. Деревни, имения стали объектами грабежей и убийств со стороны персов³⁵.

После подавления мятежа Фоки Ираклием государственная машина рабовладельческого государства в значительной степени ослабела и не смогла больше защищать в провинциях собственность крупных землевладельцев. Слова «колон», «энапограф» уже не появляются в источниках ни в повествовательных, ни в юридических, ни в житиях святых, ни в канонических постановлениях.

Оказывается, для того, чтобы перейти к подлинному феодальному способу производства, пришлось отказаться временно от тех элементов феодализации, которые уже существовали в римской империи...

Крестьянство в обстановке нашествий персов вынуждено было самоорганизовываться — следует значительное укрепление общины. Еще рано говорить о влиянии славян на укрепление общинного строя. Славяне вторгались на Балканский полуостров, но смешение их с местным населением, нужно считать, произошло много позднее развития свободной крестьянской общины.

Постоянные нападения персов и затем арабов вызвали сопротивление сельского населения. Подобно мардаитам, о которых дают сведения более поздние источники, население здесь вело местную партизанскую борьбу. И нужно думать, что именно здесь кроется начало фемной организации византийской провинции — в военной самоорганизации деревни против врагов. Ираклий воспользовался этой инициативой масс. Фемный строй возник снизу, а не в результате реформы³⁶.

С 618 г. Константинополь уже лишился анноны египетских крестьян. Масса плебейского населения вынуждена была уходить из столицы и больших городов в провинции, населяя пустующие территории. Это тоже было моментом укрепления сельского хозяйства. Снабжение столицы и городов теперь стало зависеть только от провинций, что заставило правительство еще более внимательно относиться к состоянию хозяйства в деревне...

То самоуправление, которое уже имелось в митрокомах (с предоставлением населению права иметь собственную полицейскую силу иренархов с их локальными функциями)³⁷ — послужило базисом для создания того деревенского устава, который получил название «Земледельческого закона».

Деревенское население стало самостоятельно управлять своими делами, сохраняя в то же время связь с имперской городской юстицией в наиболее важных делах.

Вся дальнейшая история Малой Азии проходила в обстановке непрерывных арабских нашествий. На западе — нашествия аваров и славян. Конечно, всюду опустошения, разгромы... Правительство стремилось заселять заброшенные земли, создавая поселения военнослужащих. Недостаток анноны приводил к стремлению посадить солдат на крестьянское хозяйство. Именно в это время, во второй половине и конце VII в. вместе с созданием воинских поселений и начинает проявляться влияние славянских традиций на внутренний строй общины. Не сразу это влияние славян сказалось. Попытки Юстиниана II, организовавшего славянские поселения, заставить славян жить по византийским обычаям провалились.

В дальнейшем уже нет данных о чисто славянских поселениях в Малой Азии. Вполне возможно, что руководствуясь практикой римской империи, византийцы стремились создавать поселения из лиц разных народностей, что могло распространить славянское влияние и на греческие по составу поселения.

По образцу малоазиатских образовались фемы и на Балканском полуострове — там, где удалось остановить нашествие славянских

племен. Но влияние славян не внесло нового в организационное устройство общины. Даже с наличием славянского населения община жила в рамках митрокомии. Славянское влияние сказалось на внутреннем ее укреплении — на большем значении кровнородственных отношений, что привело к сплоченности и устойчивости общины³⁸. Наоборот, создавшиеся в условиях византийской митрокомии порядки оказали сильное влияние на славянские общины на Балканском полуострове, когда славяне Балкан смогли принять нормы «Земледельческого закона». Жестокое преследование городской знати при Юстиниане II и Фоке нанесло тяжелый удар городам и в некоторой степени уменьшило культурный разрыв между городом и деревней. Константинополь освобождался от лишнего населения — те лица, которые не имели запасов продовольствия на три года, удалялись из столицы. Наступали «темные века» для Византии.

Соотношение между размахом культурных затрат, массой непроизводственных профессий и состоянием производительных сил стало выравниваться. Пишное строительство в городах приостановилось, образованность значительно снизилась. Города уменьшились. Их население сократилось. Не требовалось уже такого большого количества продуктов питания для городов. Деревня укреплялась. В условиях военизации деревенского населения стала вырисовываться зарождающаяся военно-земледельческая фемная знать в провинции.

Только ежегодные наезды арабов на территорию Малой Азии постоянно наносили вред хозяйству деревни. Укрепление центральной власти стало необходимостью для всех слоев населения Византии. Пока граница была открыта, трудно было добиться рентабельности сельского хозяйства. Для поднятия экономики Византии в условиях преобладания свободной крестьянской общины необходимы были победы Исаурийской династии.

К концу VII в. укрепилась византийская деревня, выросшая из митрокомии свободных крестьян, из создавшихся некогда поселений ветеранов римской армии, беженцев из завоеванных арабами стран (мардаитов), бывших адскриптициев и колонов, пленных и переселенных славян, армян, сирийцев. Примерно в то время и появился «Земледельческий закон». Обычное право и закон объединились в этом уставе. Законы, по которым жила митрокомия, давно стали установившимся обычаем, а вновь внесенные обычаи стали законом. «Земледельческий закон» должен был укрепить свободную крестьянскую общину.

С точки зрения исторического процесса перехода от рабовладельческого строя к более прогрессивному этот закон был в интересах и крестьян и, в конечной степени, эксплуататоров, поскольку только после создания прочного крестьянства можно будет извлекать достаточную феодальную ренту. Правительство нуждалось в более крепком крестьянстве в интересах фиска. Бывают в истории особые периоды, когда временно сходятся цели и угнетенных, и

эксплуататоров, когда, по выражению Анастасия, «это выгодно и для господина, и для крестьян»³⁹.

Это византийский **дофеодалный период**, период подготовки к феодализации общества. Деревня далеко не имела возможностей полного самоуправления. Самые главные статьи в «Земледельческом законе» отсутствуют. Семья не упоминается вовсе, это — компетенция церкви, канонического права и императорских новелл... Имеются в виду только хозяева участков земли, рабы, наемные работники и арендаторы. Нет никаких положений о завещаниях — это компетенция общеимперских законов. Ничего не говорится о купле-продаже земли. Такие сделки оформлялись нотариально по существующим законам — известна была цена участка земли (статья 16). Нет статей об убийствах, ересь, колдовстве, политических преступлениях против церкви... Все это было функцией центрального судопроизводства. «Земледельческий закон» имел целью только упорядочить отношения в общине для создания рентабельного крестьянского хозяйства.

«Закон» явственно стремился создать внутреннюю хозяйственную связь общинников не на началах коллективного земледелия, а на укреплении внутридоговорных отношений между мелкими собственниками. Статьи 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 требовали соблюдения твердости в выполнении договоров и принятых обязательств.

Это проявляется в заботе о пастухе. Ведь пастух представлял интересы деревни в целом. Закон входил в положение пастуха, работа которого протекала в тяжелых условиях. Пастух освобождался от ответственности, если мог выдвинуть уважительную причину, причем было достаточно его клятвы, чтобы снять с него вину за пропажу животного (статьи 23—29).

Некоторая помощь обедневшим хозяйствам предусматривалась законом (статьи 11, 13, 14). На стремление помочь мелкому хозяйству указывает статья 37, которая гласит, что если бык, взятый бедняком заимообразно для определенной работы издохнет, то взявший быка не отвечает. Но если бык издохнет на иной работе, нежели договаривались, то взявший должен возместить полностью убыток. Здесь очевидна поправка в пользу бедного крестьянина: ведь по юстиниановскому праву *de locato-conducto* взятую внаем вещь нужно вернуть неповрежденной *ut incorruptam redderet*⁴⁰.

Печать снисходительности к членам общины лежит на решениях об ответственности: видно стремление сохранить от ответственности, если не было намерения причинить вред, даже в том случае, когда от разведенного костра гибнут дома в деревне. Положение о снятии ответственности с лица, случайно нанесшего кому-либо вред, повторяется в 13 статьях «Закона». В деревне безусловно были и ростовщики. Статья 67 говорит о смягчении расплаты по ссуде — через семь лет половина дохода от сданного в залог поля засчитывается в счет оплаченной ссуды.

Все статьи «Земледельческого закона» представляют собою несомненную защиту частной собственности, имеют цель привязать материально к деревне, создать особую общность быта и традиций, тесно связанную с господством частного хозяйства, укрепить самосознание и сплоченность класса крестьян. Можно сказать, что статьями 1—6, 18, 19, 21, 31, 32, 57, 58, 59, 60, 79, 80 «земледельческий закон» гарантировал неприкосновенность частной собственности и возможность распоряжения личными средствами производства византийского крестьянина. Только создав производственные условия для феодального общества, можно было говорить о выступлении и класса феодалов.

Сказались ли на положении крестьянства наличие внутреннего самоуправления и хозяйственная политика «Земледельческого закона»? Объективные факты свидетельствуют об этом. Уже при Константине V источники говорят о вновь начавшемся заселении столицы, о проведении новых массовых работ (водопровод, новые стены). Сообщается о том, что в столице появилось обилие продовольствия. Деревня стала давать больше продуктов. Феофан отмечает, что крестьяне вынуждены были для выплаты налогов в денежном выражении усиленно продавать продукты своего хозяйства; таким образом расширилась внутренняя торговля⁴¹.

Естественно, что сразу же по мере укрепления хозяйства в деревне начались попытки ее эксплуатации. В самой общине тенденция защиты и покровительства частной собственности приводила к имущественной и социальной дифференциации. Провинциальное военное сословие имело естественно тенденцию к превращению в крупноземлевладельческое, подчинив себе деревню, используя при этом свое командное положение в фемной армии.

Но поскольку в Византии сохранились централизованное правительство, финансы и суд, процессы феодализации стали протекать в иных, нежели на Западе, условиях. Прямое насилие над собственностью крестьян не могло быть на первом плане: частная собственность была основой политики в Византии и ее прямолинейное насильственное нарушение в тот период византийской истории не могло казаться выгодным для эксплуататорских групп. Поэтому процессы феодализации, имеющие в виду подчинить и эксплуатировать крестьянское хозяйство, проходили в Византии, так сказать, «легальным путем» — через акт скупки крестьянских земель, пользуясь обычными в крестьянском быту несчастиями, и через дальнейшую передачу этой земли зависимому крестьянину. Простое насилие для представителя знати сопряжено с риском. В хрониках имеются данные об ответственности за произведенное насилие, за проведение таких актов, как зафиксированные в «Пире» случаи судебной практики⁴².

Разумеется и в недрах самой византийской общины имелись возможности выступать за неприкосновенность земельных участков крестьянина. Но нужно отметить, что статьи касались только вспашки чужой земли и т. д. Самый акт грабежа не был подсуден дере-

венскому самоуправлению, поэтому на определенном этапе развития процессов феодализации вполне можно было использовать нормы юстинианова права и Василик в интересах закабаления крестьян⁴³.

Как со стороны провинциальной знати, так и со стороны церковных учреждений процессы феодализации развивались в продолжение всего «дофеодального периода», который, по-видимому, завершился к моменту овладения властью династией Комнинов, когда стали оформляться феодальные институты. Но уже в первой четверти IX в. мы можем усмотреть в восстании Фомы Славянина моменты борьбы масс против начинающегося развития феодализации.

Таков «дофеодальный период» в Византии со всей его спецификой. Та же самая закономерность проявила свое действие и на Западе как в областях «синтеза», так и вне контактной зоны.

II. Дофеодальный период в франкском обществе

Мы перейдем к дофеодальному периоду в странах «синтеза», характерным типом которого является⁴⁴ франкское государство. Именно там элементы поздней античности и варварские в равной степени влияли на развитие общества, уравнивали, почему и введен был термин «страны уравновешенного синтеза»⁴⁵.

Принято считать, что первоначальные, то есть «протофеодальные» элементы генезиса феодализма имелись как в недрах позднеримского общества, так и в варварском догосударственном родовом строе, вырастая из общинно-родовой организации.

Нельзя ни в малейшей мере сомневаться в наличии элементов феодального способа производства, существовавших в позднеримском обществе, хотя они и вводились не в целях перехода к новому общественному строю, а для укрепления рабовладельческого государства. Колонат — адскрипции, патроциний — прикрепление к земле — все эти мероприятия, которые соединяют личную зависимость от землевладельца с правом личного распоряжения средствами производства, безусловно были элементами, ведущими к феодальному способу производства.

Но мы не можем согласиться с теориями о самобытном генезисе феодальных процессов в недрах родоплеменного строя.

В настоящее время в основу методологии изучения «Салической правды» принято положение, что феодальный строй развивался эмбрионально от того времени, когда франки жили до завоевания Галлии в родоплеменном обществе. Эти несколько столетий доклассового общества А. И. Неусыхин и считает «дофеодальным периодом», ставя знак равенства между этим термином и названием «варварский» строй.

Родоплеменное общество в своем развитии имело прямое тяготение не к феодальному обществу, а к рабовладельческому. Нельзя считать признаком феодализма наличие зависимого населения от

мелких территориальных владетелей (в данном случае мы имеем дело с понятием суверенитета, а не феодальной собственности). Эта зависимость характерна для предрабовладельческого строя ⁴⁶.

Если же говорить о тенденциях, то следует иметь в виду соотношения равных членов общества в динамике. Самые древние статьи «Салической правды» дают основание полагать, что все виды взысканий в конечном счете имели своей целью наказание путем обращения в рабство. Так, в титуле 56 говорится о таком человеке, который не имеет возможности уплатить долг и отказывается явиться в суд или выполнить обязательства; после целого ряда процедур суд решает: «Тогда и сам виновный и все имущество делается собственностью истца» ⁴⁷.

В титуле 41, § 8 дается указание, что виновный в преступлении выдается врагам. Эта передача в полное распоряжение истца тоже свидетельствует о тенденции к рабству: ведь виновный передается обиженному с правом жизни и смерти над ним ⁴⁸. Судя по титулу 58 выражение «платит своей жизнью», означает тоже передачу в полное распоряжение. Неплатящий виру передавался в кабалу истцу! Можно привести аналогию из древнейшего римского права, когда виновный, не выполнивший решение суда передавался истцу в полное распоряжение с правом жизни и смерти ⁴⁹. Указания положения «Салической правды» считаются старейшими, относящимися ко времени до завоевания Галлии ⁵⁰.

Что же касается структуры общества по «Салической правде», то сущность ее построена на основах рабовладельческого деления: *ingenui* — свободнорожденные и *servi* — рабы ⁵¹.

Нелепо было бы предположить, что рабство по «Салической правде» являлось только результатом внешнего влияния, этот институт возник в результате племенных войн, трибализма, характерного для последнего периода родоплеменного общества. Рабство первоначальное, еще не регулируемое государством, стало регулируемым местными обычаями, превратившимися в право.

Рабство как развивающийся институт родоплеменного общества встретилось с рабством позднеимперского общества, уже нерентабельным, регулируемым государством в условиях новой общественной идеологии.

В концепции А. И. Неусыхина ⁵² понятие «дофеодальный период», т. е. период, когда уже в эмбриональном положении имеются тенденции к феодализму, не может относиться к странам, которые прошли рабовладельческий строй, так как он считает дофеодальный период бесклассовым строем, тогда как переход к феодализму в странах рабовладельческого общества совершался уже в недрах классового общества.

Но мы не можем так ригористически отделять периоды истории человечества. Классовое общество появляется не в определенный момент, а в продолжение долгих лет переходного периода, когда элементы классового общества начинают преобладать и вызывать переворот в родовом строе.

Переход от бесклассового общества, жившего по «естественному праву» к рабовладельческому обрисован прекрасно в римском праве юристами II—III вв. — по естественному праву все люди рождались свободными, но в результате человеческих потребностей начались между племенами войны, плен и рабство, которое развивается в противоречии естественному праву⁵³. Гай, безусловно, под народами, жившими «естественным правом», понимает примитивное родоплеменное общество, в последний период которого в силу разросшихся потребностей началась эксплуатация человека человеком в виде рабства.

Можно ли полностью так строго называть последний период родоплеменного общества франков, до их завоевания Галлии, бесклассовым обществом? Помимо того, что франки уже знали соответствующее их хозяйству рабство, нельзя забывать, что франкские племена длительный срок находились в орбите влияния Римской империи, хотя и не под непосредственным управлением Рима. Франки были вспомогательными союзными войсками, то есть фактически военным сословием в грандиозной системе римского мира (*paх Roma*)⁵⁴. Именно тогда постепенно франкские племена все более и более стали испытывать и активно перенимать римское влияние. Никаких элементов феодализма даже в зародыше у салических франков до завоевания Галлии не могло быть, а если они и проникали, то только под влиянием тех элементов феодализации, которые уже встречались в Римской империи.

Все элементы развивающегося социального неравенства в примитивном франкском обществе, как это можно судить уже по архаическим статьям «Варварских правд», свидетельствуют о денежном обращении, то есть о высокой степени влияния римского общества. Государственная граница Римской империи не могла быть границей рабовладельческого общества того времени в целом. Рабовладельческий мир с его психикой был гораздо шире, чем римско-эллинистический⁵⁵. И понятие варварства ни в коем случае не равнозначно понятию бесклассового родоплеменного общества⁵⁶. Более высокая цивилизация обладает силой радиации, распространяющей свое влияние на соседние страны и народы.

Что же касается франкского общества, то римское влияние на франков до завоевания было бесспорным. Франки в период «военной демократии» с середины III века неоднократно врывались в римские пределы для грабежа, их разбивали, при Констанции их заставили служить Риму, создавали из них вспомогательные войска, которые особенно отличились против севов и вандалов в 401—407 гг. Франки превратились в военное земледельческое сословие, причем в середине V в. во главе их встал на некоторое время римский полководец Эгидий, правивший через своих римских чиновников⁵⁷.

Таким образом, мы пришли к выводу, что «военную демократию» варварских племен никак не следует рассматривать как дофеодальный период. Только тогда, когда между римским колоном и франк-

ским крепостным стал свободный франкский крестьянин, начался дофеодалный период и создавались условия для феодального снособа производства.

Разумеется, на Западе дофеодалный период проходил в другой обстановке и в других формах, чем на Востоке, в Византии. В Византии континуитет поздней античности проводило местное население, хотя и сильно перемешанное с различными народностями. На Западе же континуитет в основном стали проводить германские племена⁵⁸.

Это военное сословие франков западно-римское правительство стремилось (так же, как и на Востоке) превратить в обыкновенных послушных трудолюбивых крестьян, обязанных по призыву служить в армии во время войны. Приведем известные слова из панегирика Констанцию Евмена «Ведь этот хамав пашет для меня, из грязного грабителя он сделался приносящим аннону земледельцем.— если же его призывают на военную службу⁵⁹, он восторгается, что служит в воинском звании»⁶⁰. Но Евмен, по-видимому, ошибался... не так легко грабителя сделать послушным крестьянином, полностью платящим налоги! Уже из того восторга, который этот хамав проявлял при призыве в армию — видно, что далеко ему до послушного смиренного крестьянина — в тех условиях он им не хотел быть... он хотел принадлежать к военному, а не к производственному сословию!

В таком же положении оказался и император Валент, который тоже старался превращать грабителей в послушных крестьян⁶¹. Валент наивно думал, что вестготы из военноэксплуататорского сословия, по большей части уже рабовладельцы, поселившись на Балканах, превратятся в скромных, платящих аннону военнообязанных крестьян! Не прошло и года, как вестготы восстали. Германские племена в период, когда война была промыслом, могли быть или только вспомогательными войсками с самоуправлением на службе у империи, быть привилегированными карателями, или же военным сословием завоевателей.

На Западе в период великого переселения народов для перехода общества к феодализму нужно было преодолеть два препятствия: невыносимую в условиях налогового гнета жизнь римского крестьянина и воинственность завоевателей, не имевших особого желания из привилегированного военного сословия превратиться в податное и трудовое. Такова была задача, которую люди того времени понимали как потребность в наличии трудолюбивого сословия крестьян. Однако не осознавалось, что эта закономерная необходимость становления нового строя в конечном счете идет на пользу господствующему классу будущих феодалов.

Франки уже до завоевания были эксплуататорским военным сословием, они как союзные войска пользовались поставками продовольствия от римского правительства⁶² и разными подачками для сохранения «верности», но тем не менее они рассматривали свое подданство Римской империи как тягчайшее иго⁶³.

Когда франки ворвались в римскую Галлию как завоеватели, их общество безусловно не было уже доклассовым.

Франки вступили в Галлию с наличием архистаринных пережитков, которые никак не могли соответствовать обществу римского права, начиная уже с III века переходящего от рабовладельческих отношений по направлению к феодальным в своих институтах, вторгавшихся в жизнь.

Франки в своем быту были связаны примитивными кровно-родственными связями с родовой мстью, трибализмом, с постоянными межплеменными войнами, с примитивным судом («котелок»), с пережитками общественной собственности в землепользовании в общине.

Хотя франки были грозными завоевателями, но они до того времени не знали расходов по организации защиты границ, трат на поддержание высокой цивилизации, на образование и на содержание массы лиц непроизводственных профессий. Им были чужды регулярные налоги. Франки фактически не знали бюрократии, так распространенной в поздней Римской империи.

В. И. Ленин считал, что нельзя представлять историю как прямолинейный процесс вперед — были и гигантские скачки назад⁶⁴. Завоевание франками Галлии было именно этим «гигантским скачком назад». По выражению Ф. Энгельса — варвары «омолодили» общество, т. е. поставили общество на более низкую ступень в периодизации развития человечества и тем осуществили «скачок назад».

Институты, которые отразились в «Салической правде» были присущи давно пройденному этапу развития римской истории. Так, у римлян в долибеллярном судебном процессе на первый план выступала общественность (римская стипуляция); в добюрократический период Рима обязанность вызова в суд ложилась на обвинителя; имело значение поручительство; налоговая система не занимала прочного места. Франки-завоеватели получили привилегии перед завоеванными, как в Риме некогда квириды перед провинциалами.

Этот «скачок назад», однако, соответствовал выходу из того кризиса, в который вошла рабовладельческая Римская империя в результате несоответствия потребностей высокой цивилизации и производственных возможностей трудящихся.

Выход мог быть двоякий.

Или же в духе смены общества древнего мира по теории циклизма, т. е. путем гибели общества и перехода руководящей роли другому народу. До тех пор, пока общества покоятся на рабском труде, согласно Ф. Энгельсу, «происходит лишь перемещение центра и весь процесс повторяется на более высокой ступени»⁶⁵. Или же путем революционных сдвигов и выступлений, переходом к дофеодальному обществу.

Рабовладельческий строй в Римской империи достиг столь высокого уровня, что дальнейшее его развитие могло пойти только по

линии перехода к новому, что осознавали и господствующие круги общества, вводя новые формы эксплуатации, и вступающее в борьбу трудовое население. Создавалась революционная ситуация.

До завоевания Галлии франками на территории Римской империи развивалось местное крестьянство, задавленное налогами, зависимое, которое в условиях нерентабельности рабовладения должно было стать основой феодального общества. Институты зависимости, которые использовались в позднеримском обществе для сохранения рабовладельческой частной собственности, уже были прообразом феодального общества.

В условиях разложения рабовладельческого строя общество было чревато революцией. Однако нашествия варваров, разрушения, архистаринные институты, привносимые варварами, низвели общество на более низкую ступень развития. Отсюда совершенно ясно, что вместе с варварским завоеванием революционная ситуация, которая существовала в Западной Римской империи, исчезла.

Варвары сорвали начинавшуюся революцию. Сальвиан ярко рисует революционные настроения⁶⁶ в недрах римского общества в Галлии. Недовольство позднеримским строем приняло характер тотального отрицания государства, Сальвиан видел в государстве господство знати, где налоги брались для богатых от бедных, где любая власть рассматривалась как угнетение бедноты. В условиях военного проникновения варваров фактически революционному движению багаудов был положен конец. Григорий Турский сообщает только о мелких народных волнениях локального характера, несоизмеримо меньшего размаха, чем движение багаудов.

Варвары отсрочили существование крупного землевладения и зависимости, поскольку их вожди сами стремились быть рабовладельцами и входили в связь с римской знатью, делались карателями поднимающейся революционной струи. Все, что внесли варвары, было деструктивным, архистаринным, возвращением вспять, и только наличие элементов феодализации в недрах самой империи помогло преодолеть господство пережитков родоплеменного общества и тенденцию к рабовладельческому. Повторяющиеся нашествия, борьба племен германцев между собой в Римской Галлии, все новые и новые разрушения во времена борьбы двух королей — в темном и ужасном свете хаоса VII века старинное крупное землевладение с элементами феодализации почти исчезло.

Те тенденции к развитию рабства, которые были в древнефранкском родоплеменном обществе, теперь продолжали свое развитие. Получив привилегированный статус по сравнению с местными оставшимися в живых обитателями Галлии, франки, уже прежде имевшие тяготение к рабовладельческим отношениям, теперь приобрели в буре завоевания массу рабов, еще в большей степени стали рабовладельцами. В изданиях «Салической правды» понятие «раб», «рабыня» встречается в 9 титулах, 44 параграфах и 18 добавлениях. Нет никакого сравнения с «Земледельческим законом», где слово «раб» встречается только 5 раз. Статьи о похищении

свободных людей рисуют тенденции общества «Салической правды».

По «Салической правде» раб участвовал в производстве и агрикультуре (раб-виноградарь) и в ремесле (рабы-плотники и кузнецы), причем стоимость рабов соответствовала существующей в Римской империи оценке (титул X, § 2, прибавление 4)⁶⁷.

Франки из общества, в котором рабство было еще не развитым, перешли в общественный строй, где рабство уже становилось нерентабельным, уже было почти пройденным этапом хозяйственной жизни. Именно это и помешало завоевателям-франкам в Галлии превратиться в подобие римских квиритов в Италии.

Франки становились все менее монолитными. Франкские набеги и грабежи способствовали внутренней дифференциации общества «военной демократии». А при ликвидации Римской империи акт завоевания, переселения, оседания варваров на римской территории был и актом становления франкского крестьянства.

Быстро размножившиеся франки уже не могли существовать как военное сословие, в котором осталась только верхушка, как королевские дружинники, королевские люди; громадное же большинство осевших франков должно было опуститься в социальном отношении в крестьян. Это социальное расслоение однако не являлось совершенно новым институтом, привнесенным германцами на территорию бывшей Римской империи, так как в Галлии развивалось свое крестьянство, которое в буре войн меровингского периода лишилось своих «господ» и «патронов». Такое крестьянство становилось, как и в Византии, свободным на королевских территориях.

Таким образом, большинство франков из военного сословия с течением времени должно было опуститься до положения оставшегося римского крестьянства и слиться с ним, поскольку их отделяла только вира, но не фактическое социальное и производственное положение.

Завоевание Галлии сопровождалось и принятием идеологии позднеантичного общества — христианства, которое приносило варварам все то из античного наследия, что соответствовало тенденциям разрыва с идеологией как рабовладельческого общества, так и, особенно, родоплеменного. Христианство смотрело на население с позиции частной собственности и развитого классового общества.

Что касается положения самих завоевателей-франков, то вопрос шел не о разложении родоплеменного общества, а о превращении завоевателей-франков из военного сословия в крестьянство. Для Меровингской Франции это было трудным, но необходимым в закономерном развитии общества процессом. Нужно было, с одной стороны, отпочковать от военно-земледельческого сословия франков непроизводственные профессии, с другой — превратить грабителей-воинов в трудолюбивых крестьян.

По «Салической правде» из числа франков выделялись более высокие по положению разряды людей — граф, сацебарон, епископ, священник, дьякон, свободный человек на королевской службе,

антруссион. Этим уже намечается внутри военного класса завоевателей противопоставление непроеизводственных профессий непосредственным производителям, что в конце концов приблизило франкское общество к такому же делению, как и у «римлян» (посессоры и трибутарии). Франкского свободного человека нужно было убеждать неравенством *вир*, что есть люди, принадлежащие к более высокой, чем он, группе. Ничего подобного не нужно было давать ни в «Земледельческом законе», ни в Эклоге⁶⁸. Традиции прошлого у византийских крестьян — труд, у франкских — война с грабежами и убийствами.

Нашествия кончились, но психика франков не изменилась. Можно поражаться, сколько места занимают в «Салической правде» статьи об убийствах, разбое, квалифицированном грабеже, совершаемых и единолично и скопом. Как адаптированный пережиток родоплеменного общества свирепствовала родовая месть (упомянутый нами казус «Салической правды» титул 41, § 8 — как враги из мести оставили на дороге умирать свою жертву, отрубив руки и ноги, и как судья наказывает того, кто из сострадания убивает несчастного; как из мести враг посадил на кол голову убитого им человека, и как судья наказывает того, кто снял голову). Совершенно понятно, почему адаптируется этот пережиток: разве страх перед *вирой* мог удержать франка от разбоя? Нужен был добавочный страх перед родовой мстью со стороны родных убитого или пострадавшего.

Трудно было законами «Салической правды» ликвидировать грабежи и разбои. Поэтому в декретах Хильдеберта и Хлотаря введена была смертная казнь (без выкупа) за разбой. В этом проявлялись трудности низведения франков из статуса эксплуататоров в статус непосредственного производителя.

Обилие статей относительно квалифицированных форм грабежей (об уводе стада в 50 свиней, 25 голов крупного рогатого скота, 40 и более баранов, семи и более пчелиных ульев; причем такие насилия совершаются скопищем и с вооруженной силой) свидетельствует о том, что традиции войны как промысла *живучи* были в обществе франков. Статьи титулов 42, 43 прямо говорят о вооруженных нападениях на виллы, на чужие дома, причем такие нападения связывались с убийствами и похищением имущества.

В «Салической правде» ярко рисуется образ франка, становившегося крестьянином: это драчун, насильник, буян. Статья 29 перечисляет страшные увечья, которые наносили франки друг другу — вырванный глаз, оторванный нос, ухо, вышибленный зуб, кастрирование, насилия и оскорбления женщин, — все это характеризовало воина, свыкшегося с грабежами времени *нашествия*⁶⁹. Только преодолевая подобную психику можно было думать о создании такого крестьянства, которое могло бы безропотно давать феодалу ренту со своего трудового хозяйства.

Статьи «Салической правды» безусловно охраняют крестьянскую собственность: на некоторые уголья, домашний скот, птицу,

пчел (тит. 2—8), земельный участок, усадьбу, личное имущество (тит. 9—12, 14—16, 21—23, 27, 33, 34, 38, 39), на право занятия промыслами (тит. 21, тит. 27 § 20).

• Укрепление частной собственности — общая тенденция «Салической правды». Иначе не могло быть в условиях наличия товарного обращения римского общества, окружающего франков, тем более, что вступая в контакты с римской знатью, франкская знать, овладевая землями, сразу же превращалась в полных частных собственников.

• Статьи «Салической правды» направлены на укрепление моногамной семьи (тит. 59, тит. 13, тит. 15). И в то же время, содействуя развитию единоличного хозяйства, в части судебных тяжб «Салическая правда» стремится сохранить единство общины, защиты близких путем соприсяжничества, даже отражая архаические пережитки родоплеменного общества в ответственности родичей за преступление их родственника, хотя скоро и подобные пережитки выходили из практического применения⁷⁰.

Процесс перевода франка из военного сословия в статус простого крестьянина естественно касался и имущества франка.

Кто такой по «Салической правде» франкский крестьянин? В первую очередь — это богатый человек, которого можно наказать за малейшую вину солидным штрафом в золотых монетах! Это или сам грабитель, награбивший в нашествиях, или же наследник его. Но эти богатства не создают стимул к производительному труду, который требовался от крестьянина. Ужасающие по своей величине денежные виры имели целью не только доходы графу и королю, но и, изъяв награбленные ценности путем судебных штрафов, создать крестьянство, которое свое существование могло бы видеть исключительно в упорном труде в собственном хозяйстве. Франки не были подготовлены к феодально зависимому положению крестьян, процесс феодализации требовал появления скромного, бедного, трудолюбивого крестьянина.

Пережитки последнего этапа родового общества в правах на землю отчасти сохранились и в меровингское время по «Салической правде» (тит. 59 § 5). В период, когда франки становились военным сословием, было естественным, что владение земельным участком связано с военным делом, и потому земельное владение могло переходить только мужскому поколению. В данном случае родовое право адаптировалось в интересах внутренней сплоченности военного сословия: земельный участок передавался при отсутствии мужского наследника, нужно полагать, по решению общины, какому-либо мужчине из семейства соседа. Однако, когда начался процесс перехода массы франков в статус простого крестьянина-производственника, для укрепления заинтересованности крестьянина важно было закрепить за прямыми наследниками индивидуальной семьи участок земли, и при Хильперихе пережитки родового права были совершенно отменены⁷¹.

Обратимся к вопросу, что же стало с теми элементами феодаль-

ного строя, которые уже совершенно явственно пробивались в позднеримской империи? Как сказались завоевание франками Галлии на институтах, пригодных для феодализации, т. е. на колонате, адскрипциях, патронате? Можно сказать, что элементы феодализации, бывшие в позднеримском обществе, в «Салической правде» не отражались вовсе. Общества «Салической правды» и «Земледельческого закона» — не раннефеодальные и не позднерабовладельческие — это общества «дофеодальные», хотя и в рамках всемирно-исторического процесса, но относительно самостоятельные sui generis — в силу сложившейся конкретно-исторической ситуации⁷².

Но нужно отметить, что в условиях, когда из единого франкского военного сословия стала выделяться знатная верхушка, король из военного вождя превратился в суверенного правителя страны, он стал выполнять основные функции римского государя в упорочении господствующего класса, основой могущества которого было землевладение и власть над населением.

Еще большее значение приобрела церковь, которая, выполняя особые благотворительные функции, оказывалась на положении патронов с реальной властью над становившейся зависимой беднотой. Поскольку мелкое сельское хозяйство постоянно зависит от случайностей погоды и стихий, церковь использовала это для превращения свободного мелкого хозяйства в зависимое.

Таким образом подготавливался конец «дофеодального периода» — создавались феодальные институты, которые являлись фактически продолжением позднеримских, но уже в форме процесса превращения государственных повинностей в пользу отдельных лиц, как это было и в Византии в XII в. Но эти институты вводились уже не для укрепления рабовладельческого общества, не для забытых крестьян IV—V вв., не для воинов-франков, а для крестьян, которые уже настолько укрепили свое хозяйство, что были в состоянии давать солидную ренту для господ и могли содержать устойчивый сплоченный класс феодалов светских и духовных.

Элементы феодализации, существовавшие в позднеримской империи, не могли полностью забыться и использовались как уже готовые образцы для закабаления трудящихся. Через королевские пожалования, через сближение франкской знати с позднеримской, через подчинение франков церковным институтам — элементы позднеримские становились по мере развития «дофеодального периода» как раз тем феодализмом, который якобы «принесли германцы в Римскую империю».

После четырехсот лет «дофеодального периода», как писал Ф. Энгельс, «свободные франкские крестьяне очутились в таком же положении, как и их предшественники, римские колонаты»⁷³. Но рабовладельческие порядки не могли снова восторжествовать, поскольку появились и развились в недрах «дофеодального» общества новые формы эксплуатации через укрепившееся крестьянство, способное давать солидную ренту. Так подлинные феодальные инсти-

туты сложились не прямо из изолированных от античного мира варварских дружин, а в обществе, подготовленном «дофеодальным периодом» на базе земельной ренты в процессе развития военного франкского сословия, адаптировавшего в дальнейшем позднеримские элементы феодализма.

И хозяйственно окрепшее крестьянство, и господа-землевладельцы чувствовали себя гораздо увереннее, чем их римские предшественники. Вот в каком смысле Ф. Энгельс мог сказать: «Новое поколение, как господа, так и слуги, в сравнении с ихпредшественниками было поколением мужей»⁷⁴. Новое поколение, имея основу феодального общества — феодальную ренту,— действительно могло быстро развивать феодализм в «родовых муках новой цивилизации», распространяя феодальные порядки на новые территории.

К концу дофеодального периода и Византия и Запад как бы структурно и в социальном смысле сблизилась... Но в дальнейшем темпы развития феодальной культуры и специфика зависели от существовавших условий окружающей среды. Помимо географических, климатических, иногда решающими были факторы внешних связей. В Византии существовала перманентная опасность со стороны мощных соседей — персидского, потом арабского государств и нашествия многочисленных племен аваров, славян, хазар, печенегов, половцев, турок-сельджуков и осман. На западе же феодализм мог развиваться в более спокойной обстановке — набеги небольших партий норманнов не могли ни в коем случае равняться с мощными нашествиями многолюдных полчищ племен, а набег арабов, далеко оторванных от своих баз, при Карле Мартеле, не мог равняться с той опасностью, которую представлял халифат в центре своей этнической базы для Византии. Закономерно прошел дофеодальный период, закономерно появился феодальный строй и в Византии и на Западе, но темпы развития феодальной культуры оказались разными.

Однако характерно, что дофеодальный период и на Западе и на Востоке развился на базе позднеримского общества. Нам остается проследить, как развивался дофеодальный строй там, где не было римской государственной власти, за границами римского «лимес».

III. Дофеодальный период в «безсинтезном» районе Германии

Если можно говорить о «дофеодальном» периоде как подготовке условий для феодализации на примере Византии и салических франков, то можно ли это сказать о тех районах Западной Европы, где, как уверяют, вовсе не было римского влияния, поскольку территория никогда не была подвластна римлянам. Именно эти районы и привлекаются как пример прямого перехода от родоплеменного общества в феодальное, притом в таком виде, что уже

в родовом обществе были налицо мощные тенденции к феодализации.

Это — теория самобытного прямого перехода от родоплеменного общества к феодализму. Всякие теории самобытности и автохтонности всегда были популярны, поскольку подлинный патриотизм часто подменялся дешевым, «квасным» патриотизмом: всякое выступление против самобытности считалось как бы выступлением против своего народа.

Шовинистическая историография Германии в начале XIX в. как бы удовлетворялась положением историков-германистов о том, что германцы освободили римлян от римского государства и внесли новый феодальный строй. Поскольку другие виды феодализма в науке не были изучены, то в XIX в. феодализм называли иногда «германским» строем.

Конечно, после детального изучения истории меровингской Франции нечего было и думать о германском самобытном развитии феодализма. Именно тогда теория самобытного развития феодализма у германцев стала покоиться на развитии тех областей Германии, где не было римской власти. Принималось за аксиому, что именно в тех областях самобытное становление феодализма у германцев очевидно, с чем связано отрицание марксистской периодизации исторического процесса по формациям.

Но поскольку в дальнейшей истории Германии влияние античности было очевидно, появилась теория «культурного континуитета», с которой выступил в 1883 г. Георг Вольф⁷⁵. Это было серьезным ударом по господствующей в германской историографии теории германского самобытного развития феодализма.

Только Альфонсу Допшу удалось изобрести формулу, согласно которой самобытное германское развитие было в то же время и континуитетом античной культуры. Германцы, по Допшу, были такими поклонниками римской культуры, что, собственно, можно говорить о единстве культурного континуитета. Для этого, конечно, нужно было в значительной мере извратить состояние древних германцев (в чем дружно критикуют Допша советские историки). Теория Допша встретила массу противников. Одни вообще оспаривали тезис о континуитете античности и выступали против недооценки самобытности германского развития (Аубин), другие обвиняли за извращение исторического прошлого древних германцев и за теорию континуитета античности в целом.

Допша, в полном соответствии с «нордической» теорией германского расизма, стали обвинять в том, что он мало уделял внимания северным германским племенам. Так, Эрнст Патцгелд⁷⁶ выдвигала положение о том, что не «влияния», а органические силы Севера Германии привели к тому, что германцы стали «ведущим народом» в развитии западной цивилизации. Не было Вгисч'а, было только самобытное, прямолинейное развитие северного пути германского исторического процесса. Германская доисторическая культура без скачков и потрясений, без всякого прерыва развивалась до расцвета

средневековья! Нужно снять с германцев название варзаров, разоблачить «односторонность» римских писателей⁷⁷.

В результате полемики против Допша более распространенной германистской теорией стала концепция Аубина, согласно которой⁷⁸ в проблеме континуитета следует различать три зоны: 1) собственно германская, северная и восточная зоны и Скандинавия, т. е. страны, где «не было вовсе римского владения», поэтому можно говорить только о континуитете самобытного развития германской культуры; 2) пояс от границ Шотландии — Нидерланды, Бельгия, Северная Франция, левый берег Рейна и правый берег Дуная — именно в этом поясе наиболее выражена система взаимоотношений германских и римских институтов; 3) Италия, долина Роны, Аквитания, Испания, где германское влияние незначительно и преобладает римский элемент⁷⁹.

Таким образом, признано, что в отдельных районах был континуитет римской культуры, но настоящим чистогерманским путем к феодализму признавался только путь через Северную Германию. Однако римское влияние (в языке, культуре) было настолько очевидно, что германским историкам приходилось разрешать много трудностей.

Так, уже Георг Вайц (1848) утверждал, что германцы воспринимали только жизненные удобства, орудия труда, что облегчало им условия жизни и не более. На организационную сторону жизни римские влияния никакого воздействия, по его мнению, не оказали⁸⁰. Но это тоже было слишком схематично и не отвечало средневековой реальности: разве система образования, календарь, письменность, законы, любая наука не имели античного влияния?

В наше время вопрос ставится иначе: что было «растущим семенем» и «питательной средой» в развитии? Римская ли культура продолжала развиваться в германской среде, а германцы оказывались лишь продолжателями римской культуры — *die Germanen also die Weiterführung übernahmen und damit eine Neuschöpfung einleiteten*, или германская самобытная культура продолжала развиваться, пользуясь римским влиянием только как питательной средой (*Nahrungsmittel*)⁸¹. Само собой разумеется, что германская историография высказывалась за последнее. Это казалось логичным... Но если мы поставим вопрос с точки зрения прогрессивного перехода формаций, то как раз наоборот — прогресс осуществляется путем диалектического отрицания — отбрасывая реакционные элементы, строить новое, развивая достижения прошлого. Именно продолжателями диалектического процесса развития античного общества оказались германские и славянские народности.

Можно сказать, что несмотря на признание самобытности германской культуры и германского пути развития к феодализму, никто из историков не отважился бы полностью отвергать римское влияние... и уже давно встал вопрос о положительной или отрицательной оценке римского влияния.

Известна старинная дискуссия между французскими историками и Зибелем, с одной стороны, и Ротом, с другой стороны, об оценке римского влияния на германское самобытное развитие. Оспаривая взгляд о положительной роли античности и влияний римской культуры, Пауль Рот писал, что основная причина превращения германской демократии в крепостническое феодальное общество лежит в «злосчастном влиянии» римских и кельтских институтов на германское внутреннее развитие⁸². На более полной основе эта дискуссия продолжалась между Допшем и его сторонниками и Аубиным с его школой, причем в противовес континуитету римской культуры выдвигалось положение о том, что германская культура после обнаружения археологией палеолита на территории Германии должна считаться более старинной, чем римская⁸³.

В странном переплетении различных концепций эта отрицательная оценка римского влияния в нашей литературе *mutatis mutandis* отразилась в виде теории, считающей вообще рабовладельческую формацию «извращением» на пути развития человечества, что близко к утверждению Рота о «злосчастном влиянии античности»⁸⁴.

Наиболее ярким примером генезиса феодализма германских племен «без римского влияния» является Саксония. Развитие саксонских племен в период «военной демократии» в основном мало отличалось от прочих германцев — с точки зрения организации военного сословия, в обстановке перманентных войн и походов. Саксы — «товарищи по мечу»⁸⁵.

Саксонский племенной союз, возникший во 2 в. н. э. в приморской западной части Шлезвиг — Гольштейна в период военной демократии начал завоевания соседних племен на юге и Западе⁸⁶. В 531 г. саксы овладели частью Тюрингии. С захватом земли Бургуариев стали соседями франков. К VII в. почти вся Северная Германия стала владением саксов. Начались войны К. Мартела с 738 г., с 744 — начало христианизации. В источниках очень мало данных о связях саксов с франками и о влиянии франкского общества на развитие Саксонии.

Имеются данные о том, что часть саксов была покорена франками и платила франкскому королевству дань по 500 коров в год. Франки считали саксов *mendaces*, *pec omnino quod promiserunt impleturos*⁸⁷, т. е. как никогда не выполняющих обязательств, — это говорит за то, что саксы в VI веке не имели прочного единства, так что договариваться с ними о мире было трудно.

Саксы служили в качестве союзников в войсках франков у Теодоберта, герцогом у франков стал сакс Эгинан⁸⁸. До середины VIII века саксонцы изображались относительно бедным, отсталым народом. В правление Карла Великого, когда была составлена «Саксонская правда», общество саксов состояло из этелингов, фрилингов, лассов и рабов. Саксонцы, завоевав обширную территорию и подчинив многие племена, стали военным сословием, фрилинги и лассы происходили из покоренных на разных условиях племен⁹⁰.

Из среды военного сословия уже выделялись благородные по происхождению (аналогия с «длинноволосыми мальчиками» у франков). Этелингам было запрещено вступать в брак с фрилингами⁹¹, что является ярким свидетельством особенно привилегированного состояния «благородных этелингов» по аналогии с различными запретами смешанных браков у римлян. Военный характер наследования земельного владения по мужской линии, подобно «Салической правде», проводился и «Правдами» саксонцев и тюрингов⁹². Исключительно четко проводится связь земельного наследства с военным строем германского общества в «Правде тюрингов»: «К кому переходит земельное наследство, тому же следует получать и военные доспехи, т. е. кольчугу»...⁹³

Положение этелингов в сравнении с другими слоями населения было более привилегированным, чем в «Правдах» других племен. Родовая знать под влиянием непрерывных побед и завоеваний обростала добычей, пленными рабами, почему и столкнулась с опасностью выступлений фрилингов и лассов. Как известно, разрыв между интересами знати и народных масс помог Карлу окончательно разгромить сопротивление саксонцев.

Фрилинги считались свободными, но не имели привилегий, которые были у саксов, как военного сословия, а лассы находились на положении подчиненных племен, но как покорившиеся на более тяжелых условиях, должны были находиться в повиновении у этелингов и фрилингов. Ласса можно было превращать во фрилинга, так же, как и раба, путем освобождений к «полной свободе»⁹⁴.

Рабство было развито в значительной мере, как можно понять из статей «Саксонской правды». Постоянные походы против славян приводили к росту рабства. Саксы даже название «раб» — «склаве» как бы отождествляли со славянами, что говорит о массе рабов славянского происхождения⁹⁵.

У саксов могли быть «господами» (*domini*) и этелинги, и фрилинги, и даже лассы. *Nobilitas* — прерогатива завоевателей, в основном при генезисе рабовладельческого строя. Но рабами «*jure gentium*» мог владеть каждый и поэтому категория *dominium* уже означала переход к созданию класса рабовладельцев, к развернутой рабовладельческой формации⁹⁶. Однако, этой тенденции не удалось осуществиться: под влиянием франкского общества и особенно после завоевания понятие «нобилитас» начинает приобретать характер доминииума над территорией и непосредственными производителями с санкции короля. Что же касается общества саксов до его завоевания франками, то мы не можем его характеризовать как находящееся в процессе феодализации — нет главного — крепкого устойчивого сословия крестьян, нет деления по профессиям (земледелец, воин, клирик). Население Саксонии делилось по принципу рабовладельческого общества по степеням свободы. Быстрый рост рабства в Саксонии как бы воспроизводит картину древнейшего Рима. Мы можем отметить ряд параллелей общества саксов и Рима: республиканский строй, участие общественности при

заключении соглашений типа стипуляций⁹⁷, деление по центуриям (GO с Gograí во главе)⁹⁸, непостоянный магистрат (герцог избирался на время войны — смена консулов). статьи о порабощении личности (даже нобилия нобилем!).

Правда, франкское королевство не могло не оказывать влияния на верхушку саксонского общества. «Саксонская правда» составлена не саксонцами, она продиктована победителями-франками побежденным саксонцам.

«Саксонская правда» и предшествовавший ей «Падеборнский капитулярий» поражают своей свирепостью, везде на первом плане — наказание смертью. Чувствуется стремление Карла Великого подавить всякое сопротивление силой, особенно в народных массах, тогда как ему удалось разбить и потом привлечь на свою сторону этелингов⁹⁹.

Переход Саксонии под власть франков Карла Великого был переломным в истории саксонского общества. Та тенденция, которая имелась в постепенном самобытном приближении к развитому рабовладельческому строю, пресеклась и направлена была к созданию сначала дофеодальных порядков в деревне, чтобы вместе с тем перейти к развитому феодализму. Хотя франкское государство в IX веке уже находилось в фазе развития феодальных институтов, но победителям прямо переводить саксонцев к феодализму было невозможно, поскольку было много пережитков военной демократии. Саксонское военное сословие победителей пришлось расчленить полностью, выделив низы крестьянства и военную знать.

Карл Великий после того, как верхушка военного сословия капитулировала и вошла в союз с франкским королевством, особенно старался выделить знать, введя в «Саксонскую правду» шестикратную виру за убийство знатного сакса¹⁰⁰. Шредер¹⁰¹ объясняет это тем, что нужно было защитить знать перед своим же саксонцем. Это быстрое выделение знати особенно содействовало созданию другого полюса в Саксонии — крестьянства с его общинной организацией. В «Саксонской правде» (как и в других) явственно чувствуется стремление укрепить крестьянское хозяйство, гарантировать неприкосновенность его от кражи. Так, смертью карается любая кража, если она совершена с проникновением во двор крестьянина.

Гарантировалась частная собственность хозяина. Конечно, раз появлялось частное хозяйство на земельном участке, то дальнейшее развитие подчинялось законам товарного обращения. Необходимо было сохранить создавшееся общинное крестьянство от продажи земли. Установлено правило предпочтения при продаже земельного участка в деревне¹⁹², сначала следовало предлагать «ближнему», затем патрону (дело в том, что патрон деревни, конечно, отдаст патронируемому участок и тем не нарушит единства хозяйства деревни), и только потом можно было продать любому лицу.

В «Правде» подчеркивалось, что продавался участок земли только по необходимости, когда крестьянин голодал (титул 62).

Можно считать, что так же, как и в Византии дофеодалного периода, крестьяне продавали свои участки только в результате стихийных бедствий, неурожая ¹⁰³.

Подобное стремление сохранить деревенское хозяйство в «Саксонской правде» полностью соответствует капитуляриям Карла Великого.

Особенностью саксонского общества по сравнению с франкским было прямое проникновение феодальных элементов, которые были еще незаметны у франков во время «Салической правды». Роль патрона, без разрешения которого нельзя было продавать землю; данные о зависимости свободного от знатного представлены в «Саксонской правде» более ярко, чем не было в «Салической правде».

Второй особенностью постановлений о Саксонии является особая роль христианства, поскольку завоевание Саксонии совершалось при помощи христианской церкви, которая была в руках Карла Великого мощным союзником, проводившим всю повседневную работу завоевания Германии.

Августиновская теория о «Civitas Dei» — царства божьего в соединении с теорией о «двух мечях» представляла собою основу идеологии агрессии со стороны франкского государства — проводить завоевательные походы против соседних племен («франка хорошо иметь другом, но не соседом!»). Франки считали всякое сопротивление саксонцев мятежом. И папская власть, окрепшая в условиях союза с франкской империей, стала особой силой для ломки старинных устоев и создания условий для феодализации. Было ли общество саксов готово к принятию христианства? Существует положение, что христианизация племен возможна только после того, как общество уже готово для его принятия. Но воинствующие христиане вовсе не ждали, когда, благодаря миссионерам, народ подготавливается к принятию нового вероучения. Миссионеры заботились в основном о том, чтобы привлечь военную верхушку племени, а затем, овладев властью, создать условия для внедрения христианства в массы...

«Дофеодалный период» в Саксонии начался в основном только в процессе войн с Карлом Великим и через посредство христианизации. Франкская церковь в середине IX века в Саксонии и у фризов стала проявлять усиленную деятельность. Знаменитый Бонифаций имел настоящий аппарат по развитию миссионерской деятельности среди германцев, все еще остававшихся преданными своим богам. Деятельность его вызвала жестокое сопротивление фризов и саксов: в 753 г. был убит епископ Гильдегарий, а в 754 и сам Бонифаций. Карл понимал, что могучую силу имел он в лице церкви, тогда уже организованной через епископат и послушное духовенство. На Западе в это время влияние епископата было значительнее, чем в Византии ¹⁰⁴. Ряд постановлений съездов как по церковным, так и по светским вопросам, предшествовавших появлению «Саксонской правды», отводит христианскому духовенству первую роль в

преобразованиях в Саксонии. Карл фактически направлял деятельность церкви¹⁰⁵.

С принятием христианства эксплуататорские группы господствующей верхушки военного сословия получали колоссальную силу.

С помощью христианства власть могла ломать родоплеменной быт, вводить новые обычаи, проводить среди масс новую идеологию, воспитывая их в духе классового общества.

В 777—780 гг. было проведено деление Саксонии на церковные миссии, и только в 782 г. последовало деление Саксонии на графства. Церковный аппарат был создан раньше светского и имел исключительную силу. Используя веру германцев в загробную жизнь, духовенство могло полностью проводить свои идеи о том, как нужно жить, угрожая наказаниями после «Страшного суда».

Особую роль в процессе христианизации приобретает «покаянный устав». Если сначала покаяние было публичным актом, то папа Лев Великий (440—461) отменил эту публичную исповедь, превратившуюся в обряд, и на место ее рекомендовал тайную индивидуальную исповедь.

Это имело колоссальное значение. Церковь через свой аппарат епископа и священников должна проводить собеседования с каждым лицом о дозволенном и «грехе»¹⁰⁶. Такой потенции в транслировании нужных государству идей не имел ни один государственный аппарат, причем воспитание масс сопровождалось церковными наказаниями.

Церковь ломала быт общинного германского строя. В «Падеборнском капитулярии» (785 г.) § 7 гласит: «Если кто по обычаю язычников предает пламени тело покойного и кости его обратит в пепел, смертью да умрет». § 34: «Всем саксонцам запрещает собираться на народные собрания, и священник прихода должен наблюдать за исполнением этого запрета».

Дофеодальный период продолжается в Германии долго. Христианство вводилось с большими усилиями и при резком сопротивлении населения (восстание «Стеллинга»), во время которого массы перебили и духовенство и «господ», присоединившихся к новой вере. Почва и климат Германии, леса и болота долгое время не могли сделать северо-германское крестьянство столь производительным в хозяйстве, чтобы давать солидную ренту. Малый доход хозяйства и сопротивление крестьянской общины привели к тому, что феодальная военная знать, германские рыцари, основное внимание устремили на походы против славян и в Италию, и только в XI в. феодальный гнет осилил свободное крестьянство и положил конец «дофеодальному периоду», когда основная масса крестьян стала зависимой и когда полностью восторжествовали феодальные институты.

Начиная с трудов Эйхгорна и Маурера, дальнейший путь генезиса феодального строя Запада связывается с развитием институтов свободной крестьянской общины. Однако в нашем анализе мы не смогли пойти по этому пути, сводящемуся к абсолютизации фор-

мы крестьянской собственности на землю. В. И. Ленин, анализируя проникновение капиталистических порядков в деревню, писал: «Мы относимся равнодушно к вопросу собственно о форме крестьянского землевладения. Какова бы эта форма землевладения ни была, от этого отношение крестьянской буржуазии к сельскому пролетариату в сущности своей нисколько не изменится»¹⁰⁷. Мы полагаем, что эта мысль В. И. Ленина вполне приложима и к генезису феодализма в средневековой деревне. Каковы бы ни были формы хозяйства крестьян в раннем средневековье — франкская или саксонская общины, деревня галлоримлян или одиночное хозяйство, — все они безразлично были подвергнуты действию процессов феодализации, хотя и различными способами закрепощения крестьян.

Тем не менее, значение марки — соседской общины в дофеодальном периоде колоссально в подготовке условий для победы феодального способа производства. Отделенные от военного сословия франки, саксы и другие землевладельцы в общине сохранили сплоченность, приобрели прочную связь с хозяйством, осознали свое положение в обществе, так что их община стала образующим центром становления крестьянства как класса. И это представление о крестьянстве как едином классе в дальнейшем утвердилось, несмотря на разнообразие форм связей с сеньором, вплоть до существования аллодиальных крестьян.

Дофеодальный период является особой исторической ситуацией, сложившейся при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в тех странах, которые прямо или косвенно находились под воздействием исключительно высокой культуры разложившегося и готового к переходу к феодализму рабовладельческого общества. В этих странах, чтобы построить новое, более прогрессивное общество, нужно было освоить и превзойти достижения античности¹⁰⁸ а для этого требовалась особая подготовка главной производительной силы того времени — крестьянина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 154.

² М. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Уч. зап. Свердловского государственного педагогического института, т. IV, 1949, стр. 48—110.

³ «Общинный строй времен Ротари находится на стадии эволюции от родоплеменного общества к классово-феодальному». — А. И. Неусыхин. Общественный строй лангобардов в VI—VII вв. — СВ, т. I, 1942, стр. 42.

⁴ А. И. Неусыхин. Общественный строй лангобардов в VI—VII вв. — СВ, т. I, 1942; его же: Свобода и собственность в варварском обществе по «Салической правде». «Известия АН СССР», отделение общественных наук, 1945, № 4; его же: Эволюция собственности и свободы в родоплеменном обществе. — ВИ, 1946, № 4; его же: Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—X вв. — СВ, т. 4, 1953.

⁵ Его же: Крестьянские движения в Западной Европе в VI—IX вв. Из истории социально-политических идей. М., 1955, стр. 115.

⁶ М., 1956.

⁷ Научная сессия в Москве 30 мая 1966 г. Прения по докладу А. И. Неусыхина «Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному». — СВ, т. 31, 1966, стр. 56.

⁸ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья). — В сб.: «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968, стр. 603. Характерно, что история дофеодального общества создается на материалах раннефеодального общества, и тем не менее понятие раннефеодального общества строго отделяется от понятия дофеодального периода.

⁹ Полная переугрунтованность власти господина у варваров (скифов) над рабом хорошо характеризована в беседе Приска с одним перебежчиком в лагере Аттилы. Сказания Приска Панийского. Уч. зап. 2 Отделения Имп. Академии Наук, т. VII, I. СПб, 1861, стр. 57.

¹⁰ Нельзя не обратить внимания на положения В. И. Ленина, который считал, что первой формой деления общества на классы было появление рабства, и что таким образом объясняется появление государства как орудия принуждения. (В. И. Ленин. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 73). Поэтому в свете положений В. И. Ленина было бы неприемлемо при вопросах развития родового общества игнорировать наличие в родоплеменном строе тенденций к развитию рабовладельческого строя в процессе внутренней дифференциации родовой общины.

¹¹ Новеллы 80,2; 152,2; 156. Код. Юст. XI, тит. 48, 51, 52, 63.

¹² История Византии, т. I. М., 1967, стр. 351, 376.

¹³ *Zosimi historiae*, IV, 16, 29, 32, 41.

¹⁴ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в Западных провинциях Римской империи. М., 1957; рецензия А. М. Дьякова — ВДИ, 1959, № 4. В зарубежной литературе особенно ярко об обезлюдении и начавшемся техническом регрессе — F. Karhann. *Zwischen Antike und Mittelalter*. München, 1947.

¹⁵ Код. Юст. XI, 50 (49), 1.

¹⁶ Отсюда туманность и нечеткое отличие разных юридических статусов. Так даже в конституциях появлялся недоуменный вопрос — а в чем же разница между рабом на пекулии и адскрипцием? (Код. Юст. XI, 48, 21, 530 г.). Неясно о характере хозяйства адскрипции — оно называется пекулием (Код. Юст. XI, 48, 19, 500 г.), иногда называется *terra sua* (Код. Юст. XI, 48, 21, 530 г.). Возможно, что если приписывался безземельный бедняк, то даваемый ему участок земли назывался пекулем, а если приписывался со своей землей, то пекулем уже не назывался. Но в практической жизни это не давало различия.

¹⁷ Код. Юст., XI, 50 (49), 2,1.

¹⁸ Код. Юст., XI, 50 (49), 2, 4.

О юридической правоспособности колонов см.: А. Р. Корсунский. О колонате в Восточно-Римской империи, т. 9, 1956, 45—47.

¹⁹ А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи. — ВДИ, 1953, № 3.

²⁰ J. Imbert. *Favor libertatis*. *Revue historique du droit français et étranger*. Paris, 1949, p. 270—280. C. Gastello. *Note in tema de "Favor libertatis"* — *Studia et Documenta Historiae et Juris*. Roma, 1956, p. 348—361.

²¹ А. Р. Корсунский. О статусе франкских крестьян. — СВ, т. 32, 1969, стр. 33.

²² Код. Юст. XI, 48 (47), 23, 2.

²⁴ Особенно ярко в новеллах 8, 134, 135.

²⁵ Тайная История. 13, 28—32. О постройках. 8, 134

²⁵ Тайная История. 13, 28—32. О постройках. 1,7.

²⁶ Интересно отметить, что скупые на роскошь императоры были очень непопулярны в Византии. Так, скупой и бережливый Анастасий был ненавистен плебсу, который все время выступал против императора. И только к концу своего правления Анастасий приступил к постройкам. Юстиниан тоже, несмотря на большие траты на войну, особенно после восстания «Ника», занялся крупнейшими постройками, после чего в столице уже не было таких волнений. Можно думать,

что это относительное спокойствие плёбса — результат не поражения восстания, а наличия заработка у плебейских масс города. Да и само восстание Ника произошло в январе, зимой, когда, как говорил Златоуст, бедняку негде было зарабатывать на питание!

²⁷ I. Lydus. De magistratibus, II, 21.

²⁸ Canones apostolicae, 39; J. Chrysostomus. In Matthaeum homil. 86,3 (P.G.58,761). Ambrosius. Ep. 18 ad Valentianum 16 (P.L.16,1018): possessio ecclesiae sumptus est egenorum.— Церковное имущество — это пропитание нуждающихся. Ср.: М. Молле. Бедные и средневековое общество. Международный конгресс исторических наук. М., 1970.

²⁹ J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958, S. 199.

Идеализируя законодательство позднеримской империи, Караяннопулос тем, не менее отметил тенденции к защите интересов мелких собственников в деревне. Особенно выдвинул он заботы законодательства о создании привилегированной прослойки мелких сельских собственников из ветеранов.

³⁰ Код. Юст. 8. 10. 12 распространены на всю империю Юстинианом в 531 г. (Код. Юст. 8. 10. 13) Юлиен Аскалонит. О законах и обычаях Палестины. Русский перевод и вводная статья М. Сюзюмова. АДСВ, вып. 1. Свердловск, 1960.

³¹ Themistii orationes, 13,206.

³² М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. — Византийский Сборник. М. — Л., 1945, стр. 17.

³³ Либаний. Речи. Письмо Феодорита. P. G. 83, 1217, 1221, 1261

³⁴ Acta Sanctorum. Octob. 26, 132.

³⁵ См. донесение управляющего имением о грабеже и зверстве персов в папирсе: Pap. Ros. Georg., ed. Zereteli, IV. p. 100.

³⁶ Можно задать вопрос, а почему не возник фемный строй среди провинциальных крестьян на Западе, в Галлии, Италии, на Рейне, на Дунае? Нужно отличать нападения персов и арабов на Малую Азию от нападений германцев и славян. Персы и арабы приходили, грабили и убивали и уходили. Они не имели ни необходимости, ни возможности полной колонизации областей Малой Азии. Совсем другое положение было в нападениях германцев и славян, когда переселялись целые племена, которые оседали на захваченных территориях. К тому же на Западе центральная власть оказалась мало способной объединять то сопротивление, которое оказывало местное крестьянство завоевателям-варварам. Ср.: В. Т. Сиротенко. Докторская диссертация. Пермь, 1968, рукопись. В ней приведено колоссальное количество данных о сопротивлении местного населения варварам.

³⁷ О самоуправлении в деревенских общинах IV—VI вв. См.: М. В. Левченко. Материалы... стр. 38, 39.

³⁸ М. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону». — ВВ, т. X, 1956.

³⁹ Код. Юст., XI, 48, 19.

⁴⁰ Ср.: Dig: 19,2, 19,4: in pristinan faciem reddat; 19,8, 25,3: ne deteriore fundum faceret; 19,2, 19,2: si culpa coloni quid corruptum sit.

⁴¹ Theophanis Chronographia, ed. de Boor, p. 443.

⁴² Peira, J.L.R., v. I. Lipsiae, 1856.

⁴³ М. Сюзюмов. О социальной сущности законодательств «Василик». — ВВ, т. 6, 1952, стр. 72—87.

⁴⁴ Наиболее яркими выступлениями в типологии стран генезиса феодализма в советской литературе можно назвать работы: А. Д. Люблинская. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза. — СВ, т. 31, 1968; А. Р. Корсунский. Образование раннефеодальных государств в Западной Европе. М., 1968.

⁴⁵ З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970 (доклад на XIII международном конгрессе исторических наук, 16—28 августа 1970 г.).

⁴⁶ Ф. Энгельс в письме к Марксу писал: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной

формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 112.

⁴⁷ «Салическая правда», 56. Перевод Н. И. Грацианского. В некоторых рукописях текст изменен: *res suae erunt in fisco* — т. е. и виновный и все его состояние делаются собственностью фиска или того, кому это фиск передаст.

⁴⁸ Несколько спорный для понимания текст: является ли вира за то, что виновный вмешивается в право мести — *Fehderecht*. Н. Brunner, *Deutsche Rechtsgeschichte*. München, 1928 [NDr.] П. 527, п. 1; 604, п. 14, или же потому, что снижает тяжесть наказания по суду (*Thomissen*. *Contribution à l'histoire du droit germanique*, 1880, p. 163—167), или же из гуманных соображений (сократить страдания, т. е. проявление своеволия над судебным решением и права лица, получившего власть над выданным обиженному преступнику) — Wilda. *Das Strafrecht der Germanen*, 1842; 683 п. 3).

⁴⁹ По римским законам 12 таблиц можно было на должника *manum inicere*, то-есть обратить в раба и даже убить.

⁵⁰ А. И. Нечусыхин. Возникновение зависимого крестьянства, стр. 76.

⁵¹ В переводе Грацианского неточно переводится *ingenius* словом «свободный». Точный перевод — «свободорожденный» передает представление об обществе, где основное деление — раб и свободорожденный! Как и у римлян, общество разделяется на свободных и рабов, в положении рабов нет никаких внутренних различий, в отношении же свободных много различий...» (Институции 1, 3, 5).

⁵² ВИ, 1967, № 1, стр. 87

⁵³ Институции 1, 2, 2.

⁵⁴ Gerhard Wirt. Zur Frage der federierten Staaten in der späteren römischen Kaiserzeit. "Historia", Zeitschrift für alte Geschichte. Wiesbaden, B. 14, 1967, S. 2B1—251.

⁵⁵ K. Christ. Rom und Barbaren in den hohen Kaiserzeit. "Saeculum", B. 10, 1959, S. 273—289.

⁵⁶ Н. Нестор. «Варварский мир» и конец античного мира. Международный Конгресс исторических наук М., 1970. Попутно следовало бы коснуться концепции Ф. И. Поршнева, который совершенно аргументированно протестовал против полного отрыва «варварского мира» от римского, видя в периоде рабовладельческого строя единство противоположностей рабовладельческой цивилизации и варварства. Однако совершенно нельзя согласиться с его подразделением — Рим-вампиры, а варвары-жертвы. Германские и прочие народы, стоящие на грани рабовладельческого строя, нельзя особенно идеализировать, полагая их только жертвами. Раз у них была постоянная война, перешедшая в промысел, постоянное стремление пожиться за счет ограбления границ римского мира — римские власти на границах находились в перманентной военной опасности, и понятно стремление римского правительства в период империи обезопасить себя от постоянных нападений путем включения под свою власть и распространить внутренний мир на соседние области. Доктрина Рима периода империи «*Pax Romana*» — не пустые слова (*Themistii orationes*. Lipsiae, 1832, X, p. 168) и не только лозунг агрессии, она имела реальное значение для прекращения ужасного периода «военной демократии», когда война была промыслом, от которого страдали в первую очередь простые земледельцы римской империи и сами наступающие племена, постоянно боровшиеся между собой и продававшие пленных на международном рынке.

Римская империя безусловно оказывала на соседние народности свое влияние, распространяя рабовладельческие устои. Но и варварские племена, в свою очередь, тоже имели внутреннюю тенденцию к рабовладельческим порядкам, тоже, когда могли, обращали римлян в рабство. Положение о «вампирах и жертвах» субъективно и фактически превозносит роль варварских нападений на Римскую империю (см. ниже примечание 95).

⁵⁷ Gregorius Turon., II, 12. Fredegarius, ed. Krusch. "Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte" B. 7, 1882, c. III, 11.

⁵⁸ По Аубину и Курту Бенеру континуитет понимается только в том случае, когда носителем его является местное население или его остатки.

H. Aubin. Von Altertum zum Mittelalter. München, 1944; K. Böhner. Die Fränkischen Altertümer des Trier Landes (Römisch — Germanische Kommission, Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit, B. 1—2. Berlin, 1958; ders. — Die Frage der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter im Spiegel der fränkischen Funde des Rheinlandes. — Trier, 1959, 2 Aufl., S. 85—109.

Но нам непонятно, почему континуитет не может продолжаться другими народами, занимающими территорию данной цивилизации? Блестящий пример: континуитет в распространении христианства — от иудеев к грекам и римлянам, и от них германцам и славянам... Поэтому положение о полном исчезновении римского населения в определенных местностях не может быть доказательством наличия цензуры и «Bruch' a».

⁵⁹ ...praedatur exercitici squalidus operatur. Eumenii panegyricus Constantio Caesari dictus, ed. E. Baerens. Lipsiae, 1874, c. 9.

⁶⁰ Там же: se servire militiae nomine gratulatur.

⁶¹ Themistii orationes, X — epi tes eirenes.

⁶² Считалось обычным, что варварам римляне платили ежегодными продовольственными пайками: Themistii orat. X, p. 161 «император же... отказал им (варварам) в ежегодном продовольственном пайке».

⁶³ Пролог I к «Салической правде» — *jugum durissimum*...

⁶⁴ В. И. Ленин. «Представлять себе всемирную историю, идущую гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно».

⁶⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 643.

⁶⁶ *Salvianus. De gubernatione Dei. P.L. v. LIII, col. 156.*

⁶⁷ О серьезном значении рабства в дофеодальный период можно судить по актам того времени, см.: А. И. Данилов. К вопросу о роли светской общины в эпоху генезиса феодализма. СВ, т. 12, 1958; А. В. Конокотин. Элементы рабства в мерovingской и королевской Франции. Ученые записки Ивановского пединститута, XI, 1957. К. Bosl. *Franken um 800. Strukturanalyse einer fränkischen Königsprovinz.* München, 1959; рабы жили в качестве челяди или в домах вокруг господского дома. Bosl отмечает дарственные Фульде — землю, не раздельную на крестьянские держания, но обрабатываемую рабами (стр. 35) — безземельные манципии, что подтверждается раскопками (E. Müller-Mertens. *Die Genesis der Feudalgesellschaft, ZfG, 1964, S. 1392.*)

⁶⁸ Эклога. М., 1965. Введение Льва и Константина, стр. 42.

⁶⁹ Что не сразу после завоевания успокаивались победители, мы можем усмотреть и из других источников того времени. Завоеватели-варвары, образуя особое сословие военного характера, тем самым уже становились в ряды господствующего класса. Они использовали юридическое неравенство римлян (Lex Burgund, 22; 54, 2). Местное население, особенно деревня, страдали от варваров даже после окончательного установления власти варваров, захватывали земли, рабов, скот и т. д. Lex Visig. X, 1, 18; X, 1, 16 (Lex Burgund. 54; Cassiodorus, *Varia* I, 18, 2). Об этих насилиях пишет Кассиодор. Местами варвары заставляли римское население выполнять для себя различные повинности (*Varia*, 39). (А. Р. Корсунский. Государство и народности в раннефеодальный период. СВ, т. 31, 1968, стр. 126—127).

⁷⁰ Имеется в виду тит. 58. de *chrenecruda*, в конце которой в рукописях 3 B (Lex Salica, ed. Behrend. Weimar, 1897) говорится, что с принятием христианства эта статья об ответственности родителей никогда не применялась: *lege, quae paganorum tempore observabant, deinceps numquam valeat...*

⁷¹ *Capitulare, V, § 3 (583—584).*

⁷² Мюллер-Мертенс считает, что производственные отношения, сложившиеся в раннем средневековье, нельзя считать ни пережитками родоплеменного общества, ни раннефеодальными, но отношениями *sui generis* (E. Müller-Mertens. *Die Genesis der Feudalgesellschaft im Lichte schriftlicher Quellen. Z. f. G., 1964, H. 8. s. 1402.*) О конкретно-исторических ситуациях см.: Л. Е. Картаман. Законы исторических ситуаций. — ВИ, 1971, № 1, стр. 55 и сл.

⁷³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 152.

⁷⁴ Там же, стр. 154.

⁷⁵ Georg Wolf. Übergang vom Altertum zum Mittelalter.— "Westdeutsche Zeitschrift", 2, 1883; Kurt Böhner. Die Frage der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter im Spiegel der fränkischen Funde des Rheinlandes. In.: "Aus den Schatzkammer des antiken Trier". Trier, 1959, S. 85—109.

⁷⁶ Erna Patzelt. Die Kontinuitäts Frage. In.: "Festschrift zum 70 Geburtstag von Alfons Dopsch". 1938, S. 18—37.

⁷⁷ O. Höfler. Das germanische Kontinuitäts Problem.— "Historische Zeitschrift", 157, 1937.

⁷⁸ H. Aubin. Maß und Bedeutung der römisch — germanischen Kulturzusammenhänge im Rheinland. 13. Bericht der römisch — germanischen Kommission. Berlin, 1921; ders. Zum Absterben antiken Lebens im Frühmittelalter.— "Antike und Abendland", № 3, 1948, S. 88—119; ders. Vom Altertum zum Mittelalter. Das Kontinuitätsproblem. "Kulturbruch oder Kulturkontinuität im Übergang vom der Antike zum Mittelalter". Darmstadt, 1968, S. 78—103.

⁷⁹ H. Aubin. Die Frage des historischen Kontinuität. "Histor. Zeitschrift", 1943, S. 229—262.

⁸⁰ Georg Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte, I, Abt., 1848, S. 260.

⁸¹ Alfons Dopsch. Frühmittelalterliche und spätantike Wirtschaft. "Gesammelte Aufsätze von Alfons Dopsch". Wien, 1928. Neudr. Aalen, 1968.

⁸² Paul Roth. Feudalität und Unterhanenverband. Berl., 1863, S. 32, 104.

⁸³ Erna Patzelt, op. cit., S. 24, ff.

⁸⁴ Е. М. Штаерман. Античное общество, модернизация истории и исторические аналогии. Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. «Античное общество было не правилом, а исключением». В том же направлении построены все статьи данного сборника. Рабовладельческий строй признается «как исключение» только во Вьетнаме. Тёпфер (Bernhard Töpfer. Zu einigen Grundfragen des Feudalismus, ZfG, 1965, № 5, S. 807) считает рабовладельческую формацию только как Nebenform innerhalb vorkapitalistischen Produktionsweisen. Но, можно думать, что это не последнее слово исторической науки.

Мы не можем относиться серьезно к теории, считающей античную цивилизацию Аристотеля, Витрувия, Гая и Ульпиана, Сенеки и Юстиниана ошибкой человечества: скорее это положение является доведением ad absurdum теории непосредственного перехода родоплеменного общества в феодальное. Странно звучит и утверждение, что высшее развитие рабовладельческого строя проявилось только как исключение, тогда как все остальное человечество проходило к феодализму прямо от родоплеменного общества. Нужно иметь в виду, что при неравномерном развитии общества в результате различных условий только немногие страны выходят в авангард развития, другие же, более отсталые, всегда находятся под определенным воздействием более высокой цивилизации и общественного строя. Дальнейшая история всех стран состояла в освоении наследия передового опыта. Это освоение и является континуитетом.

⁸⁵ В. М. Жирмунский. Введение в сравнительное изучение германских языков. М., 1964, стр. 46.

⁸⁶ Можно вспомнить, что весьма популярный в римском обществе янтарь добывался в то время в основном на западном побережье Ютландского полуострова, где (совр. Шверин) и жили саксы. Несомненно, что торговля янтарем вызвала связи с римлянами, что и дало возможность саксам выделиться из среды других народностей севера Германии и начать завоевания.

⁸⁷ Gregorii ep. Turonensis Historiarum I. IV, 14.

⁸⁸ Fredegarii Chronicarum I. IV, tr. M. Guizot. 1862, 38.

⁸⁹ Там же, 55.

⁹⁰ Deutsche Geschichte. H. J. Batm us. Die Völkerschaften auf dem Gebiete Norddeutschlands und Ihre Unterwerfung durch das fränkische Königtum. Leipz., 1965, S. 22.

⁹¹ Vidukindi Res gestae Saxoniae, I, 14.

⁹² Leg. Saxonum., XLI, XLIV.

⁹³ Leg. Thuringorum, XXXI.

⁹⁴ P. Vinogradoff. Die Freilassung zu voller Unabhängigkeit in der

deutschen Volksrecht. "Forschungen zur deutschen Geschichte", B. XVI, 1876, S. 599 f.

⁹⁵ Ф. Энгельс. К истории древних германцев (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 473): Германцы «в период переселения народов и в своих войнах против славян выступали как первые пираты, похитители рабов и работорговцы своего времени.»

⁹⁶ Мне не понятны те затруднения, которые испытывают Гекк и А. И. Нейсхин при разборе вопроса о сословиях нобилей и фрилингов у саксов. Историки генезиса феодализма очень не желают давать аналогии из древнеримского мира, поскольку это несовместимо с признанием генезиса феодализма из родоплеменного общества. Если считать нобилей, происшедших из господствующего племени, как квириты в Риме, то либеры «Саксонской правды» соответствуют лицам латинского права и т. д., и господство нобилей над фрилингами будет вполне понятно. Как и в древнем Риме понятие «свободный» означало только то, что он не раб и не кабальный (*sui iuris, alieni iuris*). Сословие нобилей всегда представляло собой социальный статус по рождению, так же, как патриции в Риме, а потом и квириты в целом по сравнению с подчиненными провинциалами.

⁹⁷ R. Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. Leipzig., 1898, S. 60, 293.

⁹⁸ R. Schröder. Gerichtsverfassung des Sachsenspiegel. "Zeitschrift für Rechtsgeschichte". Germ. Abt., B. XVIII, S. 63, n. 39.

⁹⁹ Чувствуются властные приказы победителей-франков (Главы 51—53) почти дословно с *Capitulatio de partibus Saxoniae*, а. 782 (M. G. Leges, 5, 34—Boretius *Capitularia*, I, 68). Сходство Саксонской и Рипуарской «Правд» объясняется тем, что обе «Правды» составлялись на Ахенском съезде в 802 г.

¹⁰⁰ Leg. Saxon., XXV, XXVI.

¹⁰¹ R. Schröder. Lehrbuch, S. 215.

¹⁰² Интересно, что правила предпочтения в X веке особенно развились в Византии уже к концу «дофеодального периода», однако там на первом плане стоял не сосед, но кровные родственники, и только затем следовали односельчане. Предпочтение патрона в Византийском праве отсутствовало; вообще было запрещено продавать землю динамам в годы наиболее острой борьбы за сохранение общины.

¹⁰³ Leg. Saxon. 62—64: *si hereditatem suam necessitate coactus vendere voluerit, offerat eam primo proximo suo.*

¹⁰⁴ E. Ewig. Das Fortleben römischer Institutionen in Gallien und Germanien. (Relationi zum X. Internat. Historiker Kongress in Rom 1955, VI, 567, 571), H., E. Feine. Kirchliche Rechtsgeschichte. Weimar, 1954, B. I, S. 114 ff, 139 ff.

¹⁰⁵ Gert Haendler. Epoche Karolingischer Theologie. Berlin, 1958, S. 130 ff.

¹⁰⁶ В постановлении Ахенского капитулярия 789 г. в главе «О делах в церкви» имеется призыв всем священникам возвещать людям о грехах, причем требуется покаяние каждого из народа, кому возвещается, за какие грехи он будет осужден в загробной жизни.

О проникновении индивидуальной исповеди в практике церкви VII—VIII вв. во Франкском королевстве — Feine, op. cit., S. 198., *Wußwesen*: 41f, 198f, 379f. Индивидуальная исповедь не менее одного раза в год в западной церкви при Иннокентии III стала обязательной под угрозой отлучения.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 321—322.

¹⁰⁸ В настоящее время на позиции решающего влияния античности в развитии средневековой Германии в Демократической Республике Германии стоят Е. Мюллер-Мертенс, Е. Ш. Вельскопф. «Der Feudalismus dürfte im Okzident nicht der germanischen Entwicklung, sondern der Antike entsprungen sein. Er war im Schoße der römischen Sklavenhalterordnung herangewachsen ... befor Germanen ihre Reiche errichteten». (Müller-Mertens. Von Regnum Teutonicum zum Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation. Z.f.G., 1963, H. 2, S. 324). "Einflüsse und Überlieferungen, aus der Antike gehören zu den Voraussetzungen, unter denen der deutsche Staat und

das Deutsche Volk entstanden sind... Die antiken Traditionen und das Bild der Antike haben sich für die Deutschen in entscheidenden Phasen ihrer Geschichte gebildet und gewandelt: es ist nicht möglich das eine ohne das andere zu sehen". (E. H. Welskopf, Antike Traditionen und das Bild der Antike in Geschichte und Geschichtsbild der deutschen Nation, Z.f.G., 1963, H. 5, S. 902).